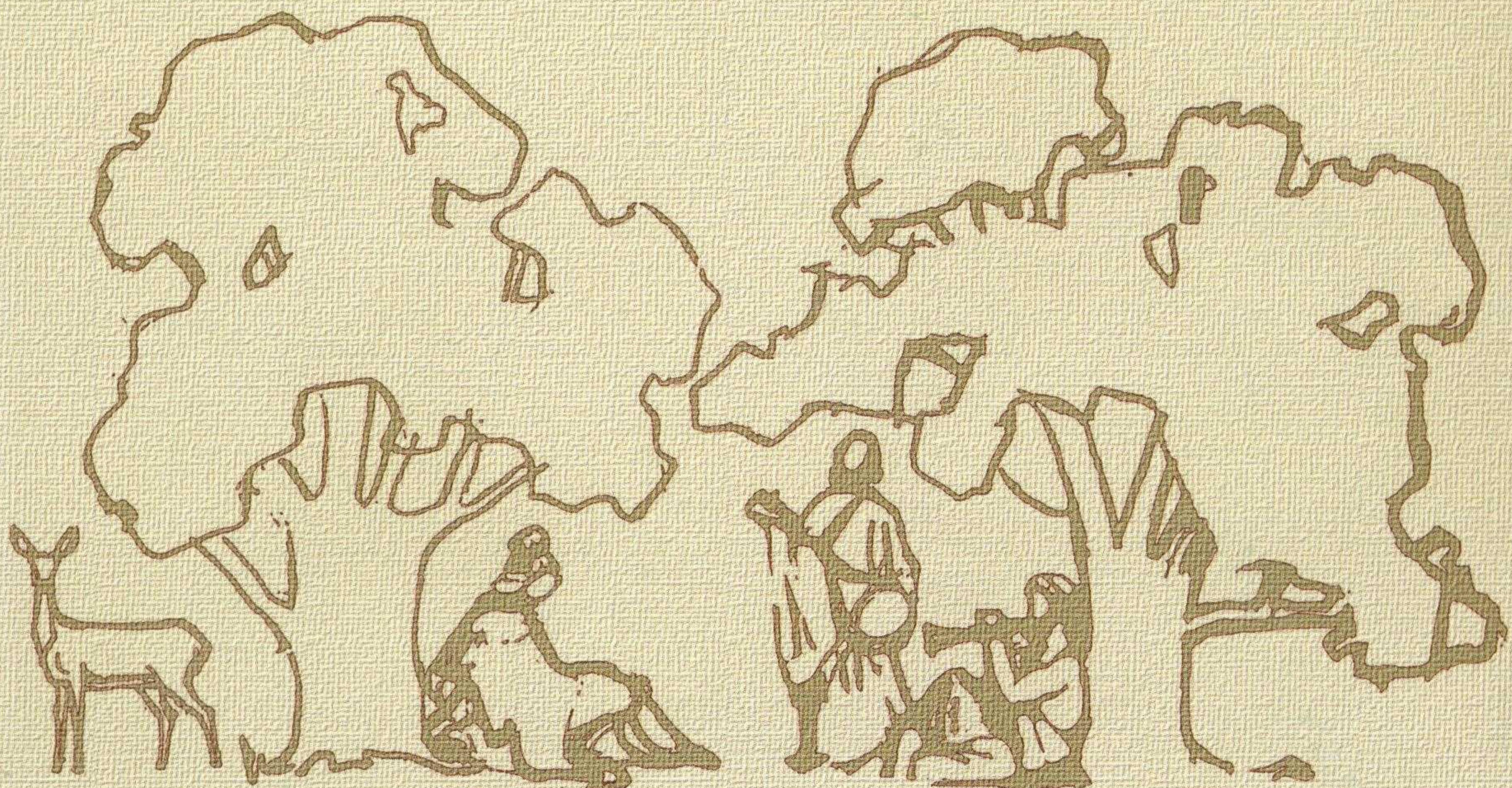

литературно-
художественный
альманах

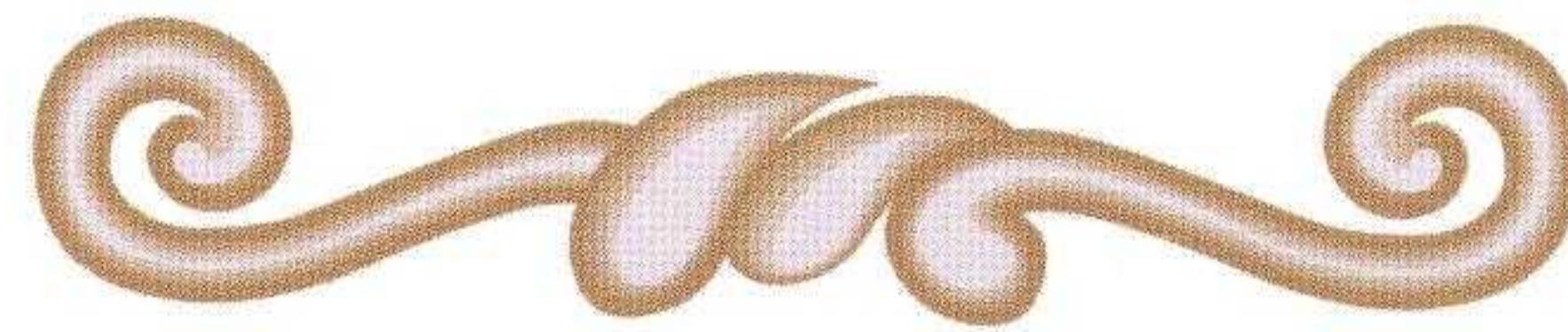

ДУБРАВА

ДУБРАВА

*Литературно-художественный
альманах*

Посвящается 55-летию Селятино.

Селятино
2012

ББК 84 (2Рос=2Рус) 6
Д-79

Администрация городского поселения Селятино
МАУК «Библиотека городского поселения Селятино»

«ДУБРАВА»
Литературно-художественный альманах.

Автор обложки художник Брыгина Дарья.

Редакционная коллегия:
Владислав Бахревский, Наталья Безрукова,
Илья Плохих, Светлана Шохина,
Корректор Илья Плохих.

Селятино, 2012.

Уважаемый читатель!

У Вас в руках литературно-художественный альманах «Дубрава», изданный в год 55-летия городского поселения Селятино. Это первый выпуск и поэтому к его публикации были отобраны лучшие произведения наших авторов.

Инициатором создания сборника являются члены литературного объединения «Стихия» при библиотеке поселения, а Администрация городского поселения Селятино поддержала и помогла воплотить идею – познакомить жителей городского поселения Селятино с творчеством земляков.

Этот выпуск альманаха является прекрасным творческим подарком! Он объединил на своих страницах поэзию, прозу и живопись жителей городского поселения Селятино. Примечательно, что в него вошли произведения маститых и начинающих авторов. Альманах открывает новые имена и помогает им найти свой путь к сердцам читателей.

Литературный или художественный дар – это замечательная способность человека, данная не каждому. Приятно отметить, что появление первого выпуска альманаха подтверждает высокий творческий потенциал наших авторов. Проникновенные поэтические слова приобретают особую весомость и совершенно особое звучание, ведь каждая строчка – это пережитый фрагмент личной биографии.

Надеюсь, что данное издание займет достойное место в личных и массовых библиотеках, школах, учреждениях городского поселения Селятино и Наро-Фоминского муниципального района.

Пусть всем авторам первого выпуска сопутствуют большие творческие успехи, пусть муга будет их постоянной спутницей и чаще приходит озарение.

Я надеюсь, что этот сборник – не последний плод совместного творчества.

Желаю нашим читателям интересных открытий на страницах альманаха «Дубрава».

Е.Голубев, глава городского поселения Селятино

Альбина Акритас

Альбина Георгиевна Акритас родилась в Москве в 1934 году. Выпускница Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР. Народный художник РСФСР и России, действительный член и член президиума Российской академии художеств, действительный член Международной академии культуры и искусства, обладатель многочисленных творческих премий и наград. Живописные и графические работы Альбины Акритас приобретены многими галереями, музеями (в их числе – знаменитая «Третьяковка», Пушкинский музей в Москве и Русский музей в Санкт-Петербурге) и частными коллекционерами мира. Член Союза писателей России (1997), автор трех поэтических сборников: «Стихи» (1995), «Калейдоскоп» (1999) и «Агат» (2009).

***

Так странно жизнь моя идёт,
Повсюду тайна неземная,
И я уже который год
Хожу по самому по краю.

Всё, кажется, оборвалась.
Ан нет, за травку ухватилась,
За камушек, за снег, за грязь,
И снова в пропасть не скатилась.

Как крылья всё-таки нужны,
До ужаса необходимы.
А может, мне они даны?
Но абсолютно не видны,
И за спиной неощутимы.

***

Уединение люблю,
Люблю, люблю уединенье.
Мне, небольшому кораблю,
Не нужно общее теченье.

Одна под солнышком растаю,
Исчезну в голубой дали,
И пусть большие корабли
Идут, фарватер соблюдая.

Под килем футы им нужны,
А мне, на кой мне эти футы?
У меня считаны минуты
Неповторимой тишины,
Свободны, не искажены
Не искалечены маршрутом.

***

Наверно, мысли нужно было
Вам передать.
И где-то краска прекратила
Преобладать.
Созвучий рухнула лавина, –
Потоки слов,
Я с головой ушла в пучину
Своих стихов.
Каких своих? Я исполнитель.
Чужую речь
Твержу как громкоговоритель.
Поклажу с плеч
Вначале сбросить так стремилась,
И лишь потом
К диктаторам приноровилась?
Теперь идём,
Идём, теперь идём все вместе,
Я, мы, они...
Их песни стали мои песни,
Как жизни дни.
Как звуки утренней побудки,
Мне каждый стих.
Вам отдаю своё как будто,
Читая их.

* * *

День рождения каждый день!
Утром встала – народилась,
А потом засуетилась,
Заметалась, засердилась,
Тень на новенький плетень
Навела. В людской бытовке
Вредоносные уловки
Заставляют суть забыть.
Что же делать, как же быть?

Очень просто – встать, пойти
В день рождения мрачный, тёмный,
Роз купить букет огромный,
Шевелящийся, обломный,
И в газете принести.
Сбросить мокрую газету,
Как с невесты покрывало,
Увидать – прекрасней нету,
И, конечно, не бывало!

Так и я – прекрасней нету
И счастливее сегодня!
Свет свечей к дневному свету
Примешаю и Господне
Призову благословенье
На еду и на питьё.
Каждодневный день рождения —
Просто райское житьё!

30 сентября 1996 г.

Кармен

Поторопись. Неровен час –
Упустишь основную сцену,
Где Карменсита в сотый раз,
Не опуская наглых глаз,
Спешит на красную арену.

Так беззаботна и легка,
Так подбородок вскинут гордо,
Сжимает смуглая рука
Мантилью чёрную у горла.

Игравый локон смоляной
Подрагивает возле уха...
Конечно, только ей одной
Неинтересна заваруха,

Что начинает назревать...
Она поступит, как поступит –
Возможно жизнь её прервать,
Но даже смерти не уступит

Она свободу! Свет погас,
Оркестр приветствует измену.
И Карменсита в сотый раз,
Не опуская наглых глаз,
Спешит на красную арену.

***

Робкий, седенький рассвет...
То ль настанет, то ли нет
День сегодня – неизвестно,
И уже неинтересно.

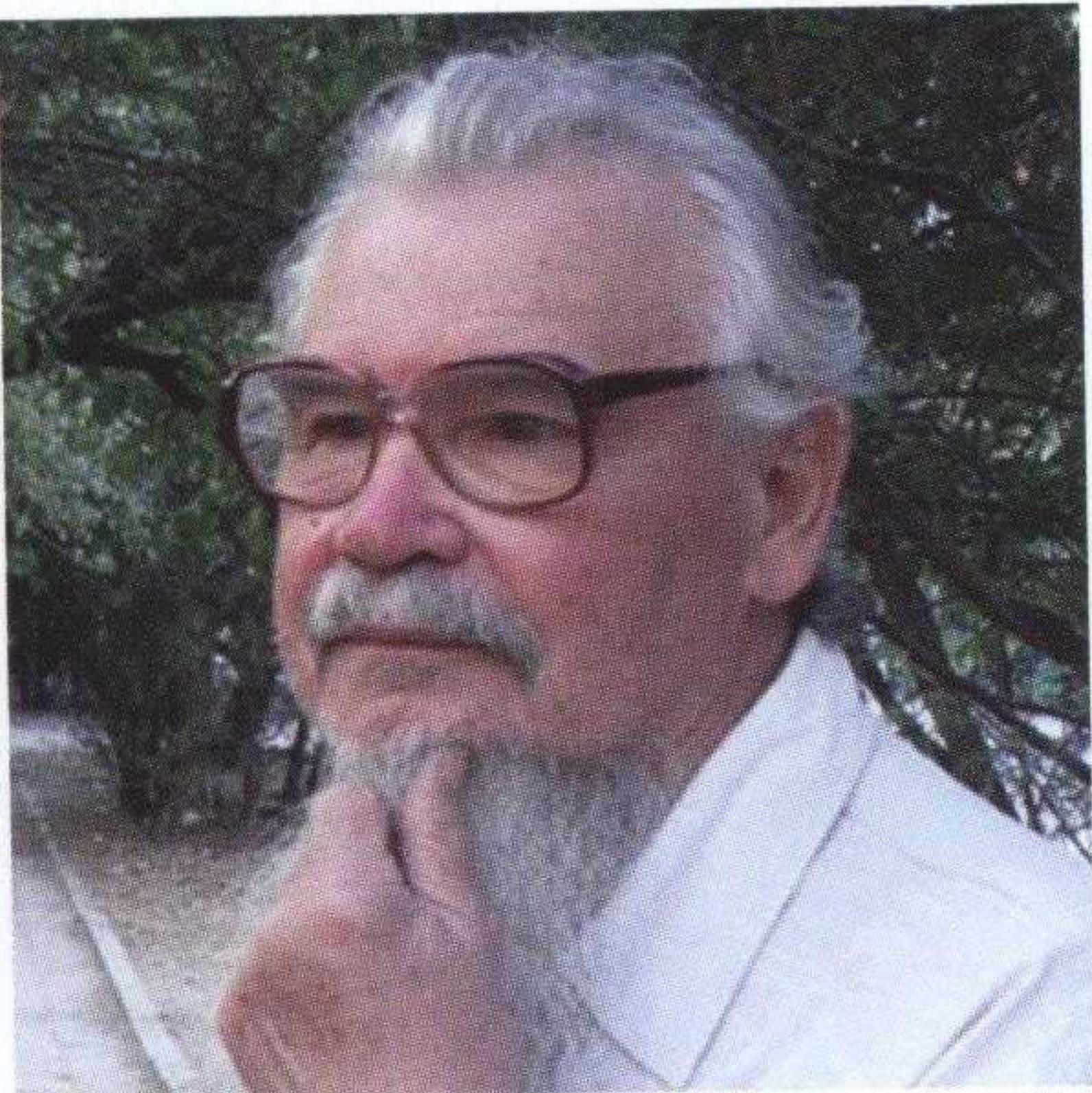
Как кисель, как бледный дым,
Небо мокрое, под ним
Двор унылый, сероватый,
Весь в клочках нечистой ваты –
Шепелявого тумана.

Вон, скопился у бурьяна,
У помойки – видно, вечен.
Двор, похоже, обеспечен
Им надолго. Крик далёкой,
Беспризорной электрички,
Длинной, тощей, одинокой,
Раздаётся... С непривычки,
После пёстрых сновидений
Свет прокиснувший, осенний
Трудновато воспринять.
Так не хочется менять
Сновидений нелегальность
На легальную реальность
Холода в моей квартире
И во всём осеннем мире.

Комната объединилась
С заоконным зазеркальем,
Как потресканной эмалью,
Серой плесенью покрылась,
Холод воем электрички
В ней завис и не уходит,
Остановлены кавычки,
И вставать не нужно вроде...

Я ещё бы полежала,
Завернувшись в одеяло,
Хоть бы несколько минут...
Ну, когда ж топить начнут?

Владислав Бахревский

Владислав Анатольевич Бахревский родился в Воронеже (1936). Окончил Орехово-Зуевский пединститут. Член Союза писателей России. Дебютировал в 1960-м с повестью «Мальчик с Весёлого». Автор более ста книг, среди которых — сборники стихотворений, повестей и рассказов, исторические романы (по пяти из них — «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы», «Столп» — поставлен 20-серийный фильм «Раскол»). Произведения Владислава Бахревского для детей печатались и печатаются отдельными книгами и на страницах многих российских и зарубежных журналов. Лауреат Всероссийского пушкинского конкурса «Капитанская дочка», премий имени А. С. Грина, В. П. Крапивина, А. И. Домбровского, обладатель других литературных наград. Заслуженный деятель искусства Республики Крым. В 2012-м вошёл в короткий список номинантов на Патриаршую литературную премию имени Кирилла и Мефодия.

СТРИЖЁНОК

СКАЗКА

публикуется впервые

Простая тайна

Удивительное случается просто. В нашем Селятине бабушки, дедушки, папы, мамы и все ребята — пусть месяц, пусть одну неделю, ходили в танцевальный кружок «Пляшущие человечки». Правду сказать, все зовут наших плясунов — «Танцующие Селята». Их сто раз возили в Москву, они удивили Шотландию. Шотландия — это же в Англии! Дирекция клуба «Мечта» купила еще один шкаф, для почетных грамот, для дипломов.

На весенних каникулах бабушка Александра Алексеевна повела внука Ваню на концерт. В клубе «Мечта» выступали «Вечёрка» — ансамбль народных инструментов, дошкольята из «Капели» и «Пляшущие человечки».

В ту ночь ученик 3-го класса Ваня Великоречин приснился себе маленьким мальчиком. Будто ему надо сделать первый шаг в жизни. Он отрывет ногу от пола, его пошатывает, сейчас — хлоп! Но он встаёт на пальчики, делает неприметное движение и — пол внизу, а по потолку можно на руках ходить.

Ваня тотчас проснулся. И не поленился!!! Встал, сделал то самое неприметное движение — и пусть на одну секунду, но завис над полом. Утром — из кровати долой, разбежался, прыгнул, пролетел. Ох, как Ваня ждал вечера! Дождался, пошёл записываться в танцевальный кружок.

— В нашем ансамбле свободных мест не предвидится! — сказала строгая Полина Петровна. — Ступай в «Вечёрку». На ложках будешь играть.

Ваня стоял, как прирос, а вот голову не опустил. В глазах у него заискрилось, но держал слёзы при себе.

— Ну, хорошо! — сизошла Полина Петровна, — Подвигайся. Покружись, попрыгай.

Ваня подпрыгнул и — завис. На секундочку.

— Как это?! Как это!? — удивилась руководитель пляшущих телят.

Ваня отступил в угол комнаты, разбежался, прыгнул и опустился перед учительницей.

— Очень интересно! — у Полины Петровны дух перехватило, — Ко «Дню защиты детей» мы ставим танец «Ласточки и стрижи». Стриж у нас Крутилов Серёжа, но ты можешь быть стрижёнком. Как тебя зовут?

- Ваня Великоречин.
- Знаешь такую птицу, стриж?
- Выше всех летает.
- Замечательно! Жду тебя, Ваня. Занятия у нас с четырех часов до семи.
- Приходить завтра? — спросил Ваня.
- Сегодня! Нас пригласили в Кремлевский дворец. Каждый день дорог.

Несостоявшаяся телепередача

Так оно и было. Танец «Ласточки, стриж и стрижёнок» показывали в Кремлевском театре 1-го июня — в День защиты детей. Посмотреть «Танцующих телят» съехались великие знатоки балета.

Некий шейх подарил стрижёнку тросточку с розовым камнем. Фотографию Вани напечатали на обложке журнала. Лучшее на земном шаре балетное училище зачислило Ивана Великоречина в ученики, а в клуб «Мечта» собиралось *приехать телевидение, снимать фильм о стрижёнке*.

— Что они будут показывать? — удивлялся Сережа Крутилов. Он танцевал стрига — заглавную партию, танцевал талантливо, а танец стрижёнка — миг! Стрижёнок вылетал из гнезда в финале. Он только-только научился летать, радовался крылышкам и от радости взмывал над хороводом ласточек и над стрижём.

Ради телевидения на сцене «Мечты» постелили дорожку — пол не был идеально ровным. На репетиции Ваня взлетел, как можно выше, чтобы подольше побывать в воздухе. А когда коснулся пола, дорожку дернули, Ваня упал. И вся история. Врачи не могли понять, что с мальчиком. Переломов нет. Ушиб головы? Ничтожно малое смещение позвонков? В сознание Ваня не приходил.

Унесло

Его теперь называли — больной. Лежачий. Какое там лежачий! Ваня в свою первую больничную ночь, выпорхнул стрижёнком в форточку и угодил в бурю.

Ветер Белого моря летел к ветру Черного моря. Они были званными ветрами. Их пригласило Средиземное море на пиршество морских стихий. Ветер Белого моря мчался на праздник во всю свою радость, во всю свою силу.

Крылья у стрижёнка, как турецкие сабли. Пространство, устремляясь навстречу летящему, обтекало крылья со свистом. Сделаешь промашку, сшибёт, закружит, ударит о землю.

- Летать надо учиться! — сказал себе Ваня. — Дышать не успеваю, такая скорость!

Скорость была сумасшедшая, звезды полосками вытягивались. Внизу тьма земли, но как горы — тьма становилась клубящаяся. И вдруг что-то — бесконечное, бездонное.

- Море! — догадался Ваня — Чёрное море.

Скорее всего, стрижёнок заснул. Очнулся — мир бесцветный, никакой. И тут взошло солнце. Внизу земля! Но по земле — волны. Как по морю.

- Это же пустыня! — ахнул Ваня.

- Чего? Чего? — спросил стрижёнка ветер Белого моря.

- Под нами пустыня!

- Вот что значит по ночам летать!

- Промазали! Проскочили мимо Чёрного.

- Да ведь и мимо Средиземного! — сказал Ваня. — Мы, наверное, над Сахарой.

- Ветер Белого моря призадумался.

- Меня всегда влево заносит.

пути. Пробудился стрижёнок от пения соловьёв. Но соловьи были травяные, пение из-под земли.

— Медведки! — объяснил Ваня стрижёнку. — Волосатые страшилища. А поют — заслушаешься.

Сверчание, наконец, смолкло. Теперь травы перешёпывались. О чём? Знать бы язык травяной. Наговорились — и наступила немота.

— Я в траве, как в гнезде, но трава держит крылья! — стрижёнок ринулся на свободу.

Никто его не держал. Вышел из травы — такыр. Весной здесь стояла вода, но вода испарилась, а земля окаменела, потрескалась, сверкает искрами соли. По лиману у берега ходят длинноногие кулики. Ловят креветок.

Стрижёнок тоже проголодался, поднял крылья, чтобы взлететь. А крылья по земле скребут, не поднимают.

Прилетела крошечная птица камышовка. Села на травинку, травинка держит.

Камышовка сказала что-то очень жалобное, пожалела стрижёнка и тотчас вспорхнула, улетела. И тут стрижёнок услышал какое-то большое движение, нырнул в траву, замер.

Две женщины везли коляски: в одной девочка десяти лет, в другой мальчик — постарше.

Ваня знал: Евпатория — город-врач. Здесь облегчают жизнь изуродованным болезнями детям и взрослым.

Женщины оставили коляски, а сами отошли и закурили. Им надо было поговорить.

— Солнце — как апельсин! — сказал мальчик. — Я обязательно нарисую такое солнце и такое небо. Посмотри! Небо золотое, но какое же нежное! Мама меня возила в музей. Золото царей — тяжёлое, властное. А золото заката — прощальное. Солнце говорит нам: я вас люблю.

— Тебя и меня оно не любит, — сказала девочка. — Как ты нарисуешь свою картинку, если твои пальцы, твои руки, скрючены и бессильны?

— Я приспособился. Беру кисточку зубами. У меня получается. Да посмотри же ты! На лиман, на закат. А как изумительно красиво летит птица.

— Мы — чужие всему! Я хочу умереть, — тихо сказала девочка.

Мальчик запласал, а девочка засмеялась.

— Я вру! Я хочу жить. Я хочу танцевать, но разве это ноги? Это водоросли.

Быстро подошли женщины.

— Вы рассорились?

— Нет! — сказал мальчик. — Мы говорили о птице и о небе.

— Почему ты плакал? — встревожилась мама мальчика.

— Потому что закат очень, очень красивый.

— Мы решили водить вас на сеансы плаванья с дельфинами, — сказала мама девочки. — Дельфины — существа необыкновенные. Дельфины лечат.

Женщины повезли своих детей к морю, а Ваня задумался:

— Может, и мне надо поплавать с дельфинами?

И тут прилетела сорока

— Тра-та-та-та-та!

Новости из неё сыпались, как сыплется зерно из дырявого мешка. Опять явилась камышовка. И сорока, сидя на сухой ветке софоры, затараторила всё, что слышала снова-здраво. Стрижёнок со второго раза стал понимать, о чём трещит сорока.

— Вещун ворон, а он помнит самое старое, самое могучее дерево в нашем городе, когда оно было прутиком, так вот старый ворон сказал: дельфины жалостливы. Они могут утешить, но излечить детей под силу Царице Белого света, хранительнице дня, не ведающего ночи, — и сорока принималась стрекотать просто от чувств.

— Тра-та-та-та! Тра-та-та-та!

А дальше надо было слушать не пропуская ни словечка.

— Лебедь, живущая на озере Сасык, подтвердила сказанное Вороном. Лебедь в расцвете своей красоты была украшением Белого моря. Она — любимица Царицы Белого Света, Хранительницы дня, не знающей ночи! Царица Белого света исполняет доброе желание того, кто переступает порог чума её детей — Полярных сияний.

Дальше шла трескотня. Про Царицу, про чум. Сорока перечисляла птиц, ветры, острова...

Но камышовка улетела, изнемогла от сорочьей трескотни. Сорока покрутилась, повертелась и тоже умчалась – искать очередного слушателя.

Добрые дела

Стрижёнок потянулся вслед за сорокой, выбрался из травы и увидел. На краю земли горел уголёк.

– Это же солнце заходит.

Впереди ночь. А Ваня помнил: утром на мокром песке лимана всегда были следы лапок. Неведомый зверь по ночам выходит из воды на охоту.

Надо срочно искать ночлег. Но стриж с земли взлететь не может. Чтобы взлететь, нужно опереться грудью о воздух, окунуться в небо. Небо вершин деревьев и небо травы – одно. Да только неба травы тоже ведь надо достичь. Если упадёшь грудью на землю, останешься на земле.

– Отлетался? – спросил себя Ваня. Не себя ему было жалко – стрижонка. В Крыму ночь скотая. Вечер очень короткий. Придёт бродячая кошка, из лимана выйдет водяная крыса или какой-то другой зверь.

А вопрос вот в чём: если погибнет стриж, что станется с мальчиком?

Стриж – он кто? Душа? Может ли жить человек без души?

По траве кружили ветерки, трава никла к земле и стрижёнок, втягивал голову в плечи, и всё-таки он радовался. Оказывается, ветерки танцуют перед сном!

Стрижёнок забыл о кошке, о крысе. Хотелось посмотреть танец ветерков. Пробрался в траву, затаился. Ничего не видно, не слышно.

Вдруг показалось – он, стрижёнок, подрос. Всего на дюйм, но стало видно, как ветер укладывает головки трав, получается травяной ручей.

То ли мальчик Ваня вздохнул, то ли стриж набрал в грудь воздуха, а голова поднялась вровень с метёлочками высоких травинок. Испугался. Теперь его видят ищащие глаза – уж точно видят! Стрижёнок зажмурился, но, скорее всего, это зажмурился Ваня. Перекинуться он не мог. В траву повалившись – и всё волшебство. Крылья – такие длинные, такие тяжёлые – путаются в траве.

Ваня провалился в короткий сон. И вдруг произошло что-то очень хорошее.

– Звёздочка!

Но было ещё одно чудо: стрижёнок стоял на холмике вровень с травами. Земля подросла.

– Нет! Нет! – сказали стрижу. – Это не земля растёт. Это я землю копаю..

– Крот, – догадался Ваня.

– Помнишь, – сказал Крот, – ты спас от злой погибели мою бабушку.

– Какую бабушку? – удивился Ваня.

– Мальчишки принесли ведро воды – заливать нору, и ты с мальчишками подрался, спасая жизнь бабушки и жизнь моей мамы.

– А ты, выходит, спасаешь меня? Теперь я могу подняться в небо.

– Пожалуйста, не торопись! – попросил Крот. – Давай одну минуту побудем вместе.

– Давай! – обрадовался стрижёнок.

Затаил дыхание, чтобы послушать умные речи Крота, но услышал: стучит.

– Это к тебе пришли? – спросил стрижёнок своего спасителя.

– Стучит моё сердце, – сказал Крот. – Это тебе на память обо мне.

– А моё стучит?

– Стучит. Матушка земля слышит наши сердца и радуется. Ладно, лети!

Стрижёнок, не раздумывая, бросился грудью на небо травы. Крылья ударили, будто вёсла по воздуху. Ещё, ещё, ещё!

И – небо. Небо облаков.

Внизу огни города. Но земля уже спит. Птицы спят. А он – маленький стрижёнок – в полёте.

Куда он летит?

К Царице Белого света, к чуму Полярных сияний.

Днём летел через море, день прошёл в страхах, в отчаянье. Он только вздрёмывал, а высаться не пришлось. Хватит ли сил для нового полёта неведомо куда?

И тут Ваня вспомнил! В книге «Жизнь животных» написано: маленькие стрижата имеют дар – цепенеть. Отец с матерью улетят за пищей – случается далеко улетают, а стрижата, дожидаясь еды, цепенеют. Им не голодно, не холодно. Им не страшно!

– Попробуем, – сказал то ли Ваня, то ли стрижёнок, и заснул в небе, вернее, оцепенел.

К белому морю

Когда очнулся, ночь торжествовала над землёй. Увидел: на его пути что-то светится. Не говорит, как горят электрические уличные фонари, а светится. Свет шёл от креста. Летнее небо не поддаётся тьме.

Стрижёнок сел на колокольню, под колокол. Заснул настоящим детским сладким сном.

Разбудил его голубь. Гугукнул на рассвете, да так что вся птичья братия пробудилась и пропела славу Свету.

Теперь стрижёнок летел дорогой птичьих стай. Эту дорогу видят птицы, видят звёзды и луна, видит солнце.

Стрижёнок никого не спрашивал, где оно, Белое море? Дорога приведёт.

А сомнение всё-таки закралось в сердце. Хватит ли сил долететь до Белого моря? Стрижёнок поднимался в полёт на рассвете, а садился, когда погасала вечерняя заря.

Однажды он пролетал над городом, где дома в деревянном кружеве, церкви все белые. И услышал бой часов на белой башне. Стрижёнок насчитал двенадцать ударов. Полночь! А солнце только-только коснулось земли.

– Вот оно что! – осенило Ваню. – Это не силы стрижёнка истощаются, это ночь убывает. Перелёты становятся более долгими.

Стрижёнок сел на старый пустой скворечник и услышал вздохи. Что-то горестное было в воздухе.

И тут Ваня увидел: на него из окон большого ветхого дома смотрит множество глаз.

Дом престарелых. Старые немощные люди по ночам не спят. А ночи-то белые. Птица прилетела молодая, быстрая.

– Стриж! – говорили старики, кто видел получше. – Стрижи – смельчаки. Под облаками летают.

Плакала, да горько, женщина:

– Мы-то ведь тоже летали. Боже мой! Как же мы летали. И вот весь наш мир – окошко, зараженное мухами.

Белёк

Как же оно напугало стрижёнка, Белое море!

Подлетел к берегу – ни волны, ни воды! Мокрый песок, на песке багряные и синие медузы. Море исчезло.

– Отлив! – кричали весёлые птицы зуйки. – Отлив!

– Скажите, но это Белое море? – спросил стрижёнок, зажмуря глаза.

Никто его не услышал. Не дождавшись ответа, взмыл в небо. Вот оно!

В серебряном просторе катило белые волны серебряное Белое море. Возвращалось к берегам.

Море – Белое, свет с неба – белый, но где живёт Царица этого Белого света, хранительница Белого дня, не ведающего ночи? Где в этом просторе чум Полярных сияний?

Кинулся в одну сторону, в другую, помчался безрассудно в открытое море. А ему конца нет. Пришёл в отчаянье и – увидел ослепительный остров. Это была от-ковшавшаяся от Полярной шапки льдина. На льдине лежал прекрасный путешественник: тюлень-младенец. Белёк.

Стрижёнок так обрадовался живому существу, что сел на льдину, не раздумывая.

— Здравствуй, тюлень! В какую сторону мне лететь, чтобы найти чум Полярных сияний.
Белёк смотрел на птицу чёрными глазами и молчал.

— Ты ещё говорить не умеешь?

Маленький тюлень положил голову на льдину и заснул.

А стрижёнка обнял ужас. От льдины — полярный холод. Лапки примерзают. Мороз хватает за крылья, крылья волочатся по льду.

— Скорее на край льдины! — приказал стрижёнку Ваня. — Оборачивайся бельком. Давай, давай!
Раз-два — первёртышки!

Раз-два — и на льдине рядом с бельком лежал точно такой же!

Мама-тюлень, взобравшись на льдину, никак не могла вспомнить, сколько же у неё бельков?
Один? Но ведь их два! Значит, она сама не заметила второго? Всплывая, ударила головой о льдину. Не сильнее, чем обычно. Но что долго раздумывать, когда дети ждут молока!

Молоко тюленя — богатырское.

Ваня любит мятую картошку, сваренную в молоке. Коровьем. Было дело, съел приготовленное на четверых. Но после молока тюленя можно целую неделю не притрагиваться к еде.

Ваня подумал: надо спросить маму белька о чуме, но от сытости он тотчас заснул. А проснулся очень даже вовремя.

По льдине к белькам шёл белый медведь.

— Вот кого я спрошу! — обрадовался Ваня и увидел: медведь идёт и облизывается, урчит.

— Мы — его добыча!

А белёк спит. Ваня подкатился к братцу, стал подталкивать к воде. Медведь увидел это и перешёл на медвежью рысь.

Ваня кинулся к краю льдины, перекинулся и стал стрижёнком. Медведь взревел, поднял лапу прибить сладкого белька. И тут малая чёрная птица кинулась громадному, как гора, медведю — в глаза.

Медведь отшатнулся, отмахнулся лапой. Но стрижёнок клюнул великана в нос, ударили крыльями по глазам.

— Тюленя отнимать? У меня! У хозяина белого безмолвья!

Медведь поднялся на дыбы, медведь махал лапами, ревел, как гром, но чёрная птица была неумолимая.

— Из-за какого-то белька глаз лишаться? — яростный медведь стал мгновенно мудрым и побежал. Сначала трусцой. Птица не отставала. Тогда медведь помчался, прыгая с льдины на льдину, и, наконец, бросился в море.

Может ли такое произойти? Птица и медведь. Белый медведь, бегущий от стрижёнка? Но это произошло. И тому есть свидетели.

По чистой воде шёл карбас рыбаков. Рыбаки видели, как маленькая птица гнала от белька огромного зверя. А стрижёнок — вот он. Замерзая, упал на сеть.

— Тюлений спаситель! — капитан взял стрижёнка в руки. Стрижёнок не противился.

Отнёс в кубрик, посадил на спасательный круг.

— Отогревайся!

Рыбаки приходили посмотреть на молодую, редкую для севера птицу.

— Как залетел-то на море?

— У Бога в книге сие записано, — сказал старик Мефодий. — Прилетел спасти белька. О такой птице в оные времена старины бы слагали. За всю мою жизнь не видывал, чтобы медведь, белый медведь, бежал от ласточки.

— Это — стриж! — сказал капитан.

— Нашим деткам такую бы птицу показать! — осенило Мефодия. — Малая птица малого зверя защитила. Дивное дело! Урок божеский.

Карбас встречали матери и жёны рыбаков, старые люди и дети. Улов был велик. Как у Христа на Генисаретском море. Не улов — праздник. Старик Мефодий удивил. Сошёл с карбаса с ласточкой на ладонях. Рассказал о сражении птицы с белым медведем, о спасённом бельке, а капитан посоветовал:

— Пусть все наши дети подержат стрижа, совсем молоденький — стрижёнок, но урок птицы да пойдёт впрок ребятишкам.

Дети обрадовались, брали в ладони смелую птаху, а все взрослые поклонились стрижу, доброго пути пожелали.

Капитан сказал:

— На правом берегу реки стойбище мудрого Яля. Пошлите к нему расторопных парней. Пусть купят для праздника тучного оленя! — взял у старика Мефодия птицу, подкинул вверх. — Лети! Весь Белый свет — твой. А нас не забывай. Будешь желанным гостем.

Стрела

О чуме Полярных сияний должны знать живущие в чуме.

Стрижёнок летел, согретый детскими руками. Серебряное небо тундры высвечивало, отражаясь, серебряные реки, серебряные озёра. Берега у рек и озёр песчаные, песок белый, как снег, а трава тёмно-зёлёная, будто бархат. Цветы по траве, как драгоценные камешки

А это что? По тундре текла живая река. Неторопливо, покойно.

— Олени! — догадался Ваня. А вот он — чум. Островерхий дом из шкур звериных.

Возле чума люди. На что они глядят? Стрижёнок сделал круг. За спиной никого не было.

И похолодел. Мальчик опускал лук, а стрела уже звенела.

— В меня!

Ласточка бы увернулась, а стрижёнок только и успел поставить крылья косо, направить полёт к земле.

Стрела ударила в крыло. Не железом наконечника — оперением.

Стрижёнка закрутило, потерял небо. Огромная земля ринулась навстречу, грозно, страшно. А он не упал, он всё-таки сел. На одном крыле.

К лежащей в траве птице бежал счастливый охотник и собаки. Мальчик громко кричал:

— Попал! Попал! Тундра, смотри! Это я, Хадко, — меткий стрелок!

— Ты, Хадко, меткий, но ты — глупый, — так сказал дедушка стрелка, мудрый Яля. — Такая редкая птица прилетела к нам, а ты её подбил. Это — стриж. Стрижи летают под облаками. Они — птицы неба.

Яля взял стрижёнка в руки, осмотрел крыло.

— Убить птицу большого ума не надо. Запомни: птицы — это тоже судьба. Молодой стриж ищет в нашей тундре счастье.

— Если б знал, у меня рука бы не поднялась! — сказал дедушке Хадко.

— Ты учишься читать, это большое дело, но сердце тоже надо учить.

Снадобья тундры имеют великую силу, а дедушка Яля в бубен тоже бил. Звал на помощь хэхэ — добрых духов.

— Я знаю, почему ты любишь хорошие дела! — сказал мальчик своему дедушке. — Имя у тебя такое. Яля — солнце, свет. А я Хадко — рождённый в пургу. Я должен быть суровым.

— Пурга — сила грозная, — согласился дедушка. — Пурга заметает следы, заносит снегом чумы. Но без пурги было бы худо. Пурга сметает все злые помыслы. После пурги мир будто заново рождается. Люди на чистом снегу становятся чистыми, как дети.

Три дня лечил Яля птицу. Стрижёнок всё время порывался взлететь — и не мог. Кричал пронзительно, по-стрижиному.

— Он торопит нас, — сказал дедушка внуку. — Ему надо найти чум Полярных сияний до того, как день начнёт убывать.

— Что же нам делать? — опечалился Хадко.

— Как только солнце зайдёт за горизонт, откроется щель в страну сиртя, пасущих мамонтов.

Ты войдёшь в щель и отдашь птицу.

— Кому?

— Пожелавшему её принять.

Где щель в подземный мир, Ваня не понял. Стрижёнка накрыли меховой рукавицей, а в следующее мгновение Хадко стоял перед сиртят.

— Меня дедушка прислал, — сказал Хадко.

— Где твоя птица? — спросил пастух мамонтов.

— В рукавице.

— До чума Полярных сияний от нашего стойбища далеко, — сказал сиртят. — Но птица спешит, и мы поможем. Снимай рукавицу.

Ваня увидел: сиртят — крошечный человечек. Мальчику Хадко по пояс. Глаза сиртят синие, лицо весёлое. И тут весь мир заслонил хобот мамонта.

Мамонт взял хоботом стрижёнка, развернулся и передал огромному тёмно-рыжему мамонту. Мамонты передавали птицу друг другу бережно, с нежностью. Её брали мамонтёнки, передавали мамам.

— Не на крыльях, но лечу! — порадовался Ваня.

И вдруг — свет. Ослепительный Хобот мамонта проник в щель между мирами.

Когда тьма в глазах прошла, стрижёнок увидел себя на спине оленя. Олень, поучив седока, пустился бежать, да так быстро, словно уходил от волчьей стаи.

И вдруг замер. Труба, по которой шёл газ, преградила путь. Олень помчался вдоль трубы и снова остановился. Стоял, понуря голову.

Ваня понял: труба пересекла тундру, а её начало где-нибудь на Таймыре.

Сиртят спешил, мамонты спешили, олень бежал во всю прыть. Верный признак: день скоро пойдёт на убыль.

Недолго думая, Ваня перекинулся и обернулся горностаем.

Второе доброе дело. И третье

Горностай бежал по тундре, мимо озёр, через рощи карликовых берёз, по равнине сплошь заросшей морошкой.

Бежать наугад — время терять. Увидел Ваня холм — скорее на вершину, на камень. Во все стороны красный простор — столько морошки уродилось. Но в какой стороне чум Полярных сияний?

Вспомнил Крота. Кому, кому мальчик Ваня сделал доброе? Ничего на ум не идёт.

Камень был тёплый. Камень грел. Даже камни стремятся делать доброе. По камню бежал муравей.

— Вспомнил! — крикнул Ваня, а горностайка подпрыгнул. Мама рассказывала: однажды по дороге на Мойнаки они увидели муравьёв. Муравьи переходили тропу, а люди, многие люди, под ноги не смотрят — вот и наступали на живых существ. Ваня на людей рассердился, сел на тропе и стал ждать, когда человеческую дорогу перейдёт всё муравьиное племя.

Мама рассердилась на упрямство сына, но потом порадовалась. Загорать можно в траве. И мама загорала, а Ваня охранял муравьёв. До вечера просидели. Зато муравьи были спасены. И ещё вспомнил Ваня. Они ездили в Оренбург к маминой маме. И Ваня отобрал у ребят спичечные коробки, отпустил на волю майских жуков.

Папа на Ваню даже рассердился:

— Ты, во-первых, обидел ребят, а во-вторых, спас древесных вредителей.

Майских жуков в тундре, наверное, не сыщешь. А муравьи, если даже знают, где стоит чум Полярных сияний, будут идти до него сто лет.

Горько было Ване: до Белого моря долетел, по тундре мечется вот уж столько дней. Неужели не удастся найти сказочный чум? Всё сказочное — в сказках. А муравьи, каким помог в детстве, на Мойнаках жили, до тундры две тысячи километров, а, может, и три тысячи...

Но что это?! Камень словно в реке. Обтекая глыбу, шли полчища красных, как морошка, муравьёв. Горностайка помчался вдоль муравьиной дороги. Бежал, бежал, бежал — изнемог. А муравьи шагают, шагают. Может, по своим делам, может, дорогу показывают.

Да ведь муравей – и впрямь не птица. Сколько ему шагать до заветного чума. И тут Ваня прометил, как из шагающего муравьиного войска взлетают... крылатые муравьи.

– Так это же другое дело! – горностайка перекинулся, обернулся стрижёнком – и полетел.

Крылья слушались, крылья были быстрые. Дедушка Яля – солнечный человек – вылечил! И сразу что-то заслонило горизонт. Летучие муравьи радостно закружились.

– Да это же чум! – догадался Ваня. – Ничего себе! В небо упирается острый верхом.

Стрижёнок полетел вокруг чума – полога не видно. В чум войти нельзя.

Увидел старую женщину с прялкой. Женщина птице обрадовалась. Руками манила. Подлетел, сел на прялку.

– Птичка-невеличка, помоги бедной пряже. Я пряжу напряла, надо её в чум отнести. Через верх.

Пряжа белая, нить тончайшая, но моток огромный. Поднять столько пряжи разве что орлу под силу.

– Не страшись! – сказала пряха. – Нить, как пух. Бери за кончик и лети. А чтоб не выронить – оплетай чум. Выйдет подольше, зато дело верное. Полегоньку, помаленьку – долетишь.

Нить невесомая, в сердце радость. Стрижёнок полетел вокруг чума. Летел-летел и никак не мог облететь.

Ничего! Бабушка сказала: «Полегоньку, помаленьку!».

С утренней зари до вечерней летал вокруг чума стрижёнок. И ахнул! До середины не долетел. Сел на чум передохнуть, и сморил его сон.

Пробудился: солнце в пути. Взялся за нить, а она срослась с чумом.

Кинулся стрижёнок к земле, к пряже:

– Нить к чуму приросла!

– Ну и хорошо! – обрадовалась пряха. – Чум станет крепче. Возьми пряжу с другого конца. Себя не пожалеешь – долетишь. Полегоньку, помаленьку.

Взял стрижёнок в клюв неведомую нить и снова к облакам.

Вот оно, небо вершин русского леса. Вот оно, небо людей и небо птичьих дорог. Вот оно, небо грозовых туч.

Стрижёнок плавал в струях небесных рек и, набравшись сил, взлетал на новую высоту.

Поглядел на чум – ой! Далеко до верха! Закричал, выронил нить. Нырнул, подхватил, снова в небо, а крылья не летят.

– Вот так в реках тонут! – сказал себе Ваня. Первоклассником он хотел переплыть пруд. До берега совсем близко, а сил не осталось. Руки гребут, но никакого движения. Уж так тянуло сдаться. Не утонул. Мелко там было. На ноги встал.

А в небе на что опереться? На сердце? Сердце не сдаётся. Но крылья изнемогли нести.

– Может, оцепенеть? – подумал Ваня и почувствовал – летит. Глянул на большое крыло, а оно жужжит, глянул на правое – жужжит!

Жуки! Под его крыльями жуки. И не только майские, июньские тоже – зелёные, сверкающие панцирями.

У Вани слёзы закапали из глаз. Вот уж, наверное, сверкали на незаходящем солнце.

Царица

Стрижёнок сидел на жёрдочке, торчащей из чума. Это был дымоход.

И вдруг – голос.

– Ты изнемогал, но нить не бросил. Ты даже не думал о том, что можно облегчить свой полёт. Эта нить мне сослужит добрую службу.

Сверху свет, свет, свет! Смотреть невозможно. Кажется, там высоко – улыбка.

Голос сказал:

– Ты вырвал из змеиного клубка четырёх змей. Твоя награда – четыре добрых дела.

– Но я не был в чуме Полярных сияний! – признался Ваня.

– Ты можешь опуститься в чум, но тогда исполнится только три добрых дела.

Ваня недолго думал.

– Пусть тайна остаётся тайной. Жизнь дороже.

Сказал, и света прибыло.

– Два добрых дела свершилось в это мгновение! – сказала Царица Белого Света. – За третьим – лети. Четвёртому – быть.

Ваня подумал: посмотреть бы, какие добрые дела свершились.

Царица засмеялась:

– Такое любопытство – хорошее. Смотри!

Луч света пролетел в единый миг тысячи километров.

– Евпатория! – удивился Ваня. – Мои знакомые.

Мальчик, тот самый, рисовавший картины зубами, стоял с девочкой, которая хотела умереть.

Мальчик сказал девочке:

– В день, когда мы стали, как все – вот тебе одуванчик. Он рос между камнями. Посмотри! Он самое настоящее чудо.

– Спасибо! – сказала девочка. – Я сохраню твой одуванчик.

– Зачем?! Бежим к морю! А парашютки пусть летят, и пусть родится много одуванчиков, чтоб всем хватило счастья.

Из санатория выходили с чемоданами, с сумками дети, юноши, их мамы, их папы. Врачи стояли на крыльце, и было видно: они не могут прийти в себя от изумления. Все больные, даже неизлечимые, покидают санаторий.

– Да! – сказал главный врач. – О необычной солнечной активности писали и говорили. Видимо, наш воздух, наше море и доброе солнце совершили чудо. У нас нет ни единого больного.

Луч переместился, и Ваня увидел белую колокольню, белую башню с часами и сказочное кружево деревянных домов. Старая скворечня, догнивающий древний особняк и счастливые люди на улице. Седовласые, седобородые, но все с молодыми глазами, с молодыми сердцами.

Люди смотрели на свой дом с любовью.

– Коли мы живы-здоровы, а здоровья нам не занимать, давайте, ребята, поставим дом, чтоб точь-в-точь, но чтоб жизнь в нём шла весёлая, работающая, не хуже, чем в нашей молодости. А всё худое было, да минуло, кануло. И слава Богу.

Стрижёнок от счастья кинулся в небо. А небо – свет.

Стрижёнок летел, а Ваня искал лицо царицы. Улыбка-то вот она, но ни дворца, ни лица.

– Дружочек! – услышал Ваня голос. – Сегодня последний долгий день. Завтра, пусть на малое мгновение, но день начнёт убывать… Сам знаешь, сказка – не сказка, если в ней нет принцессы. А тебе надо успеть сделать два дела: избавить от немочи принцессу и мальчика, который ждёт…

Ваня испугался.

– А я успею на моих крыльях?

– Успеешь! У тебя очень хорошие друзья.

Стрижёнок кинулся с небес в страну принцессы. Крылья смелые, но уж очень малы для великих пространств.

И увидел два огромных, два могучих.

– Здравствуй, стрижёнок! – ветер Белого моря подхватил птаху. – Помнишь, как мы мимо Чёрного моря промахнулись?

– И мимо Средиземного! – подсказал Ваня.

Ветер заплескал крыльями. Захотел.

– А знаешь, что мы отчудили на празднике стихий с братом моим, с ветром Чёрного моря?

– Небывалое! – догадался стрижёнок.

– Точно! Мы подняли в небо и заставили плавать по облакам парусные корабли.

– До такого, наверно, никто не додумался!

– Куда им! Хочешь, и мы чего-нибудь отчудим?

У Вани сердце сжалось в комочек.

– Времени очень мало! Нам в добрый час надобно к принцессе.

– Поспеем! – махнул крыльями ветер. – Ты принцесс видел?

— Я же — русский! — сказал Ваня. — У нас были царевны. Но царей перевели. С царевнами обошлись, как с солдатами вражеской армии.

Ветер Белого моря вскрутил кудрявой головой.

— Ты мне прямо скажи, Россия-то не перевелась?

— Русские люди живы, но живут не ради России, а как телевизор учит — ради себя. Многие по заграницам разбежались.

Ветер Белого моря разволновался, волны поднял.

— Все эти беглецы, хоть и русские, но не знают русской тайны. Ты — стрижёнок, а тебе дано.

Ваня хотел спросить, что ему дано, но ветер разлетелся по простору. Погнал косяки рыб, громоздил льдины. И вот уже по морю плыли сверкающие горы.

— По-ша-ли-м! — закричал ветер и принял сталкивать ледяные гиганты. Всё сверкало, всё звенело.

— А теперь в гости к дедушке махнём.

Они летели над белым безмолвием.

— Кто твой дедушка? — спросил Ваня.

— Ледовитый океан. По-старому, по-русски: Святое море.

Летели, летели. И стрижёнок закричал:

— Мы опоздаем к принцессе! Мы летим в другую сторону. Что ты наделал! Добрый час наступит через пять минут.

— Ёлки-палки! У дедушки километры не мерянные! — ветер Белого моря спохватился, озадачился. Позвал. — Дедушка! Дедушка, дохни!

И дедушка дохнул.

Принцесса

Белый вихрь, белый гул, лопнуло стекло, и стрижёнок влетел в огромное, в золотое, в королевское.

Это был театр.

Но стрижёнок ничего не понял. Полумрак, музыка, свет далеко внизу.

Сел на люстру. Сообразил, наконец. Свет направлен на сцену. На сцене танцуют женщины-лебеди: балерины. Балет.

Значит, принцесса здесь.

А вот что надобно сделать — неведомо.

Стрижёнок снялся с люстры, облетел зал, опустился на краешек сцены.

— Птица! — раздались шёпоты.

— Тише! Партия чёрной лебеди.

И тут стрижёнок увидел: к нему подкрадываются с сачками для бабочек сразу трое служителей театра.

— Не хватало угодить в плен!

Перепорхнул на перила ложи для высоких гостей. А в ложе — девочка. Девочка сидела в высокой коляске, положа руки на бархат барьера.

— Так это же принцесса!

Рассмотреть не успел. Из глубины ложи выдвинулись два охранника, готовые схватить птицу. Ну, что тут было делать? Ваня перекинулся. И стрижёнок стал тоненьkim мальчиком. Театральные служки — вот они, охранники заходят со стороны ложи.

А балерины танцуют. Чёрная лебедь творит чёрное колдовство. Ваня закружился на одной ноге, кружась, поднялся над сценой, прыгнул и очутился перед чёрной лебедью. Артист не прерывает партии, пока жив. Балет творил своё чудо, но на сцене теперь было ещё одно. Невероятное! Тоненький мальчик взлетал и взлетал над кордебалетом, над солистами. От его танца шёл свет.

Принцесса захлопала в ладоши. Зал разразился овацией. А маленький танцор перелетел сцену, подал руку принцессе. Принцесса руку приняла.

— Перелезай! — сказал Ваня. Принцесса прыгнула через барьер, и они, кружась, помчались через сцену.

Кордебалет замер, замерли на своих местах прима-балерины. А Ваню и принцессу музыка вынесла на середину сцены.

— Девочка! — сказал Ваня принцессе. — Мне надо в Селятино, у меня осталась одна минута. Ударился о землю, и птица стриж взмыла под купол театра и вылетела в окошко.

Ещё одно доброе дело

— Ветер! — кричал Ваня. — Я опоздал.

Но летел, летел. И тут с неба опустились перед стрижёнком качели света. Взмах, мгновение полёта, и Ваня очутился перед мальчиком в постели.

В палате стояло очень много врачей, шёл консилиум. Говорил великий хирург. Все его слушали. А мальчик Ваня встал с постели и, протиснувшись между врачами, пошёл к двери.

— Великоречин, куда вы?! — страшным шёпотом закричала лечащий врач.

— К маме! — сказал Ваня. — Я уже выспался. Все сны пересмотрел.

Учёные врачи смотрели на закрывшуюся дверь, на опустевшую постель и друг на друга.

— Чудеса, господа, случаются! — сказал хирург.

Тут всем стало весело.

С чудесами на Белом свете живётся веселей.

Геннадий Валов

Геннадий Леонидович Валов родился и большую часть жизни прожил в Алтайском крае. Служил в Советской армии. Окончил Алтайский государственный университет по специальности «Психология». С детства увлекается музыкой. Записал один альбом и несколько авторских композиций. Стихи начал сочинять в 2009 году. Произведения опубликованы в Интернете.

***

Оригами

Из-за кулис наивными глазами
Глядел на сцену бедный скоморох:
Там шёл спектакль кукол оригами –
Смешных и очень трогательных
крох.

Герои жгли под мастерской рукою,
Душил сюжет трагической канвой,
А глупый зритель верил,
    что судьбою

актеры с ролью связаны одной.
В согласии с задумкой режиссера
То хотят, то слушал, не дыша,
Репризы гениального актера.

Прекрасна обнажённая душа!
Её тоска, безумное смятенье
И муки нерастраченной любви,
И рвущий душу крик
    самосожженья:
– Найди меня! Найди же! Позови!

Финал.
Поклон. Цветы. Оваций взрывы.
А у кулис опять переполох:
Там...

Умер от сердечного разрыва,
Не вынесший искусства, скоморох.

Свернулся день в прерывистый
гудок
И спрятался за перекутком сердца –
Сейчас, сей-час...
Рискуя перегреться,
дрожит мобильный хиленький
    мосток
над пропастью из страха и упрёка
в руках патриархального востока.
Впервые в жизни?
Да, пожалуй, так.
Чего ты ждёшь от запада, чудак?
Он весь в делах и времени своём –
Тебе ли, сибарит, за ним угнаться?
В его масштабах твой полёт –
    стагнация,
а океан – пожарный водоём.
Опять отбой. И пустота, шатром
сдавив виски, закладывает уши.

Удар звонка,
и голос прямо в душу:
– Привет! Звонил? А я была
    в метро...

Необнятая

Необнятая,
В чём же твой секрет,
Что ты засела у меня в печёнках?
На первый взгляд – обычная
девчонка.

Нет – женщина... невыплаканных
лет.

Мерцающие нежностью глаза,
Что никогда в глаза не смотрят
прямо.

Посредник, угодивший в волчью
яму,
Спокойно ждёт, когда пройдёт
гроза,

Чтоб выбраться и не испачкать руки
О, слякоть неминуемой разлуки,
Вобравшей столько пережитых бед.

Привычно ухмылялся ей вовсёд
Из темноты с пробитой лобной
костью
Оскалом то ли боли, то ли злости
Звериный череп.
Вот он – твой привет!

И я к нему невольно прикасаюсь,
Отдёргивая руку, отступаясь,
Теряя равновесие души.
А всё же, как бездонно хороши
Тропического зарева разливы
В глазах твоих лукавых и пугливых.

Как жаль, что им напомнит обо мне
Лишь лунный луч в заплаканном
окне.

Сказочное

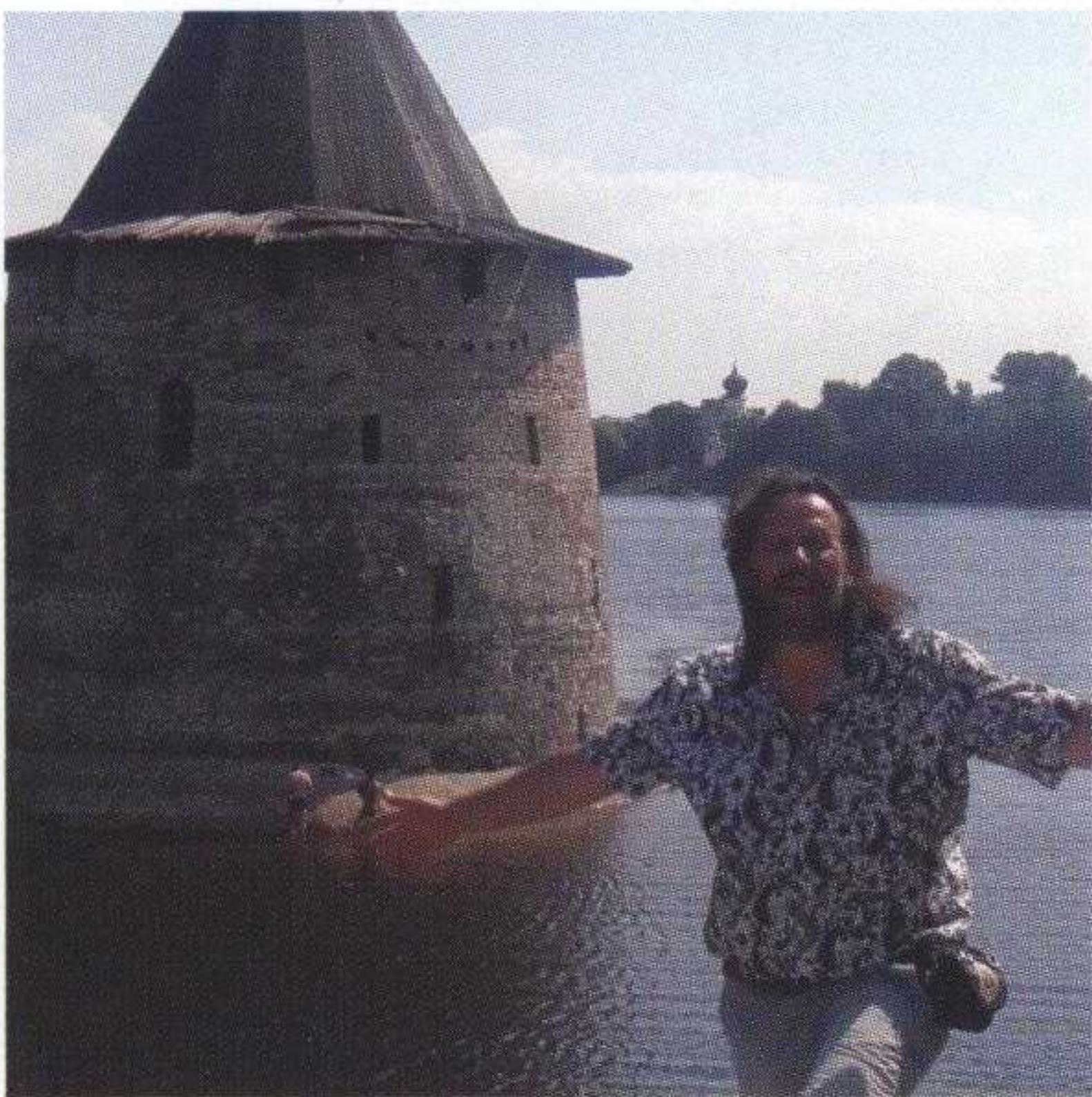
Я намечаю сказок о тебе
Смешных и милых, идиотских...
всяких,
И прикреплю к ошейнику соб@ки,
И отпушу скитаться по судьбе.

От них одних узнает целый свет
О том, как время сыплется сквозь
пальцы,
Звенит луна застрявшим в сердце
жальцем,
И ловит бриз под стуки кастањет
Изгиб бедра на берегу лимана,
О дальних снах и близких океанах.

Но никого, конечно, не обманут –
К тебе спешил мой ласковый
привет.

Он прибежит и прямо из дверей
Холодным носом мокро ткнётся
в руку.
И станет меньше на одну разлуку,
И чуть теплей в морозном декабре.

Варфоломей Гдов

Вячеслав Алексеевич Мандрикин (Варфоломей Гдов) родился в деревне Смуравьёво Псковской области. С 1993 года проживает в Селятине. По профессии — архитектор. Литературным творчеством занимается с 1982 г., предпочитая малые формы и эпистолярный жанр.

СТИХИ НЕИЗВЕСТНОГО ГРУЗИНСКОГО ПОЭТА

Забытая молитва

Ты жива,
моя Изабелла?
Злые люди нас
Разлучили
И смеются, срывая кисти.
Пьют твой сок
И твоё вино.
И никто не подымет рог,
Не помянет
Того старика,
Что сажал этот куст изабеллы
И молитву читал над ним.
А когда я вернусь,
Буду я целовать
Твои кисти.
Я погляжу шершавый ствол,
Похожий на
Руки того старика,
Который шептал
Молитву.
А потом соберу
Виноград и дождусь
Молодого вина.
Будем с друзьями пить,
Поминать хороших людей,
И вспомним молитву
Того старика,
Что шептал над тобой,
моя Изабелла...

Потерянный рай

Я сегодня плакал
во сне...
Мне опять приснилась
Мтацминда,
А Солнце спать ложилось
в Коджори.
Я смотрел и плакал,
Глядя на это чудо.
Боже!!!
Сколько лет мне придётся
Плакать во сне,
Чтобы я позабыл,
Как сердилась
Мтацминда,
Потому что мне
Улыбалось Солнце,
Когда спать уходило
В Коджори...

Светицховели

Вхожу под сень
Светицховли.
И вечность говорит
Со мной...
И слёзы по щекам
Текут.
И я шепчу:
«Я грешен, Господи,
Прости».
Вот тонкий луч
Упал на образа,
Наверно, это знак,
Что я услышан!
И «Отче наш»
Шепчу я на коленях,
И легче на душе...

Эрна Гульяева-Огонькова

Эрна Андреевна Огонькова (Эрна Гульяева-Огонькова) родилась в Иркутске. Жила в Якутии, на Колыме и Урале. Выпускница МХТИ им. Д. И. Менделеева и Высших литературных курсов при Литинституте им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Пишет стихи, песни и прозу — с 1989 г. Автор двух поэтических сборников — «Эхо», «Жизни вечное кольцо», книги прозаических произведений «Клинский луг», публикаций в антологиях и периодике. Готовится к выпуску новый сборник. Имеет дипломы и медаль творческих конкурсов. Живет в посёлке Новоглаголево.

ЛЫЖНЫМИ ТРОПАМИ

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Вчера был день солнечный, с легким ветром, двадцать пять градусов.

Пошли со Славой в поход к лесному озеру за вторую высоковольтку. Эти дни были хорошие, дожди, грозы — в лесу сырьо, местами болотце, крупные лужи, местами, как в Фирсановке, — какой бы дождь не прошёл — сухо, ладно на земле — лес хвойный там — здесь смешанный — берёзы, липы, клен, рябина, орешника мало, ели, сосен мало, дубы и дубки.

Мы уже приметили один маленький, «тёпин» — выкопаем и посадим за забором в поле. Ходим со Стёпой к нему. Он признал свой дубок, мы с ним там приметку сделали.

В этот раз пошли не по тропинке, а сразу в лес. Черемушка от дождей прибыла, течение быстро, вода прозрачная, но не очень холодная — речка, а не ключ. Все брюки-шкеры внизу ухлюпала. Вот Стёпка бы засмеялся, он удивительно чуток к словам, он понимает смысл по своему, и так как надо, и сразу начинает хохотать. Вначале рыкнет как медведь и хохот — «желтушка-бражница» — хохот. Когда мы рассматривали с ним на открытках коллекции бабочек — читаю название — хохотет до упаду! Особенно если слышит «желтушка».

Идем со Славой в калошах, но брюки по щиколотку ухлюпаны, травы сырьи, уже цветет купавна (отцветает), живучка ползучая, звездчатка снежком белым, и вдруг! — седмичник — и потом на одном стебельке два цветка — редкость! И много их здесь! В Клинском луге они редкость!

Уже герань зацветает на солнышке. «Тень-тень-тень» — пеночка-теньковка. Я теперь разли чаю зяблика:

— Росчерк зяблика так звонок,

Льётся по лесам —, пеночку-теньковку, и как машинка строчит — но все забываю, как зовут эту машинистку. Это все Ленуся меня научила. Сейчас весь май утром, вечером в чаще у пруда — соловьи не поют, а щелкают. Я не слышу в их щелканье музыки. Почему их так воспеваю? Или мои соловьи отпели уже? Вот сейчас идем мимо куста ивы, бузины, черемухи — там они вовсю щелкают.

Мы нашли хорошее место — берёза крупная, поваленная и кругом просторно стоят ели, берёзы. Прошлась по берёзе туда-сюда — как по бумаге на художественной гимнастике в УПИ. Да...

Подошли к первой высоковольтке и пересекли просеку, а на лыжах мы не пересекали, а идем налево вдоль. Вот идём летом, а видится лыжня, зимний лес. Странно. Пересекли, и тут такое место чудное! Можно малинкой компанией. Может, нам здесь день рождения Эруси отметить?

Всех привести, показать наш Дом? Нет, нет... Столько лет мы на 30 мая – Эрусин день ходим в Малино! Она выросла на этой поляне. Выросла. Тридцать лет.

Идём напрямик по лесу, тропы не видно. Чутье мне подсказывает, как тогда в тайге, в Якутии, когда мы заблудились, что Слава углубляется всё вправо, выйдем не к озеру, а на поле Софьинское.

Тогда, сибирской девчонкой, я чувствовала в тайге без компаса и ориентира, где мой дом, где река Лена. И спорила с Сергеем, что мы идем не туда. Но мама, конечно, больше доверяла ему – охотнику, сибиряку. Вот так мы шли, несли в ведрах свою бруснику, уже темнело. «Сергей, мы идем не туда!» – твердила я.

И... мы, вдруг, повернули обратно! И опять шли, шли назад и вышли на дорогу. Усталые, голодные, а до дома еще... И вдруг грузовик сено везет – ура! Мы сидим на скирде, и все покачивается и плывет куда-то...

Да, Слава точно углубляется, но я помалкиваю. Он идет быстро, ничего не замечает, уверенный москвич! Даже не заметил мою яркую обновку. Точно. Вышли к полю. Идем по кромке. Опушка леса, и вдруг я вижу у большой ели, на опушке углубление, ложбина, явно окопчик квадратной формы, в рост человека по длине, не глубокий окопчик, но можно лечь и наблюдать – за полем идет «бетонка». Идут по ней машины. Гудят...

А здесь, под Наро-Фоминском шли бои. Окопчик порос весь мохом, я трогаю руками. Слава предупреждает: «Не копайся там!». Вот ещё один, и ещё... Штук восемь насчитали. Потом под углом – для пулеметов и длинные окопы, неглубокие. Мы со Славой – дети войны, рождённые в сорок первом! Он, правда, до войны успел родиться, в апреле. Мы её чувствуем телом, всем телом, дыханием...

Вот здесь был расчёт, солдаты-сибиряки отстояли Москву, и мой папа воевал под Москвой, где... где? У кого теперь спросишь?

Здесь они были и следили за дорогой, линия обороны, укрывались в этом лесу. Под этими елями стоим и мы.

В тишине. В мире.

Потом вдруг вижу Ель-удав! От ели отходит толстая в виде удава рука-ствол! Жаль, нет фотоаппарата! А справа – дуб. Огромный, с прожжённой сердцевиной, а боковые стволы на крепких слоновых корнях.

Все думаю – Серёжу бы сюда, Лену, Эрусию. А Степке ещё не дойти. Четыре ему всего.

Потом увидели кирпичный квадратный остов-стан, разрушенный. Военный штаб и куча банок консервных, всё «Рисовая каша с бараниной» – семипалатинский завод имени Калинина». Банки все проржавели, а надпись четкая. Я ищу год. Их много – все «рисовая каша», «рисовая каша». Они небольшие. Слава разглядел ГОСТ- 86 – значит, не военные. Может, кто-то был здесь походом. Может, ребята-следопыты...

Вышли на вторую высоковольтку. Костровище чистое, и дубы-сиденья. Развели костерок, посидели. Идем к озеру в обход – очень сырь. Я до щиколоток ухлюпана, носки сырье. Вот и озеро с протокой, вода в ней стоячая. А озеро струится чистое. И зимняя тарзанка висит. Я уцепилась и качнулась. Зацепила колышками верхнюю воду, весь задок подмочила. А Слава, хитрый, намотал провод и качнулся удачно. А я с подмоченным задком иду.

Идем по зимней лыжне...

Владимир Ильин

Владимир Петрович Ильин родился в Бурцеве (1936 г.). С 1959 г. работал в системе треста «Гидромонтаж» – фрезеровщиком, нормировщиком, технологом, заместителем начальника цеха, начальником ОТиЗ Опытного завода. Окончил Высшую школу профсоюзного движения при ВЦСПС им. Н.М. Шверника (1985 г.). Много лет посвятил профсоюзной работе. Трудовая деятельность Владимира Ильина отмечена медалями, почетными грамотами Министерства среднего машиностроения и ЦК профсоюзов, нагрудными знаками «Ветеран атомной энергетики и промышленности» и «Академик Курча-тов».

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Вблизи деревни Асаково расположено одно из любимых мест рыбаков-любителей, так называемые Нарские или Росановские пруды. На их базе создано предприятие «Нарские острова». Раньше это была закрытая для посещения территория рыбхоза. Много воды и рыбы, обильная прибрежная растительность, тихое, отдалённое от дорог место создавали идеальные условия для гнездовий водоплавающих птиц и ондатры.

Первое знакомство с ондатрой у меня состоялось на этом водоёме несколько лет назад. Это был курьёзный случай. Однажды, приехав с вечера, я рыбачил всю ночь. Клёв был активный. Какарь брал и на червя, и на манку. Я складывал улов в садок, а, когда утром, опуская очередного каракара, заглянул в него, обнаружил там лишь последнего его обитателя. В садке же зияла большая дыра. Моему удивлению не было предела. Как так случилось? Ведь садок был крепким и надежным.

Рыбаки, сидевшие по соседству, пояснили, что это проделки ондатры. В то время она проказничала тайком, остерегалась людей.

Сейчас многое изменилось. Водоём стал открытый для массовой рыбалки. Пожалуйста, бери путевку и отдыхай. Сюда стало приезжать множество людей из Москвы. В выходные дни приходится долго искать место, где остановиться и забросить удочку.

Поэтому бедной ондатре стало неуютно, оставаться незамеченной ей теперь не удаётся.

В конце июня этого года я в очередной раз поехал на рыбалку на Нарские пруды и стал свидетелем очень интересного эпизода. Рыбачил я на дамбе, ширина которой составляет шесть–семь метров. Вдруг увидел, как по самому краю берега в сторону моего напарника бежит ондатра с крупным ротаном в зубах. Она совсем меня не опасалась. Пробежав метров тридцать, она перешла на мою сторону и скрылась в прибрежных зарослях. Минут через двадцать снова та же картина. Правда, улов у неё был уже помельче.

Через некоторое время события стали развиваться ещё интереснее. Нисколько меня не смущаясь, ондатра-мама пробежала мимо меня уже в другую сторону на расстоянии пяти метров с детенышем в зубах. Я подумал, что началось переселение. Прошло минут десять, и она по глубокой колее от машин уже гнала еще четырех детенышей в том же направлении. Они кувыркались, упирались. Мама их подгоняла носом, чтобы быстрее прошли мимо меня. Видя, что процесс проходит медленно, мамаша схватила одного детеныша в зубы, перетащила его метров на десять, вернулась и снова стала подталкивать вперёд остальных. Троє послушно передвига-

лись, а один безнадёжно отстал. Тогда мамаша загнала в выбранное ею новое место жительства послушных детей и пропала в зарослях минут на пятнадцать.

В это время оставшийся малыш стал метаться по дороге: то подходил к луже в колее, то возвращался немного назад и все время пронзительно пищал. Наконец, он сделал выбор и спрятался в зарослях, продолжая издавать призывные звуки. Но вот появилась мать-ондатра, которая сразу же направилась на звук к своему непослушному чаду. Взяв его за шиворот, она отнесла своего малыша в новое жилище.

«Ну вот, – подумал я, – теперь закончилось переселение».

Однако не прошло и получаса, как ондатра снова, уже с шестым по счету детёнышем в зубах, пробежала мимо меня. И в заключение, через некоторое время по тому же маршруту пробежала ещё одна — крупная, пушистая ондатра, как я полагаю, отец семейства. Очевидно, он пришёл домой, а там ни «жены», ни «детей».

Вот такое зрелище мне довелось увидеть. С одной стороны, на душе было радостно от увиденного, а с другой — стало жаль бедную мамашу, которой от людского нашествия некуда деваться и нет возможности спокойно вырастить потомство, чтобы своим присутствием и дальше продолжать радовать отдыхающих на водоеме людей.

Антонина Лайрова

Антонина Юрьевна Лайрова родилась 1985 г. в Москве. Живёт в Селятине с 2006 года. Писать начала с 7 лет, а читать — и того раньше!

***

Кофейное небо, деревья в снегу,
И тучи вдали заалели слегка,
И ветер свистит заунывно в ветвях,
И зябко дрожит ледяная река.

А с самого края прозрачного леса,
На холмике, спящем под шубою
снежной,
Уютно пристроилась пара домишек
Средь зимней природы, спокойной,
безбрежной.

И скоро стемнеет, и в сумерках
синих
Повалит снежок, и пушистый, и
плавный,
И сонную землю укроет периной,
И лес припорошит, просторный,
дубравный.

И окна засветятся в домиках мягко,
И тонкою струйкой повьётся
дымяк.

И будет до полночи путникам
поздним
Светить этот тёплый, живой огонёк.

Пустынное поле в сиянии лунном,
И снег серебрится, мерцаet, дрожит.
Кто знает, что было? Кто знает,
что будет?
Для путников поздних окошко
горит.

Кофейное небо, простор, тишина,
Вдали расступились уже облака,
Пурга улеглась. Голубеют холмы,
И дремлет в снегу ледяная река.

***

Я люблю целовать твои веки,
К ним едва прикасаясь губами.
Да, сегодня с тобою мы вместе,
Но всё в мире имеет свой срок,

И не верю я слову «навеки»,
И меняет луна свои лики,
И тепло твоих рук тем дороже,
Чем свежее ночной холодок.

***

Как давно у нас не было снега!
Может быть, ты моя половинка?
Так легко в это утро идётся
На пушистой и мягкой тропинке.

Чем-то новым наполнен весь воздух
И волнует своею прохладой.
Отчего это я улыбаюсь?
И чему я, как девочка, рада?

И дышу этим ласковым снегом,
И печали задумчиво тают,
И в морозное зимнее утро
Тихо бабочки в сердце летают.

***

Через минуту дверь в вагон
закроется,
Перрон далёкий превратится
в точку.

Теории, законы и гипотезы
Сверкают, разлетаясь на кусочки.

Глаза в глаза – лицо запоминаю
И в нём хочу сама себя прочесть,
Чтобы потом и днями, и ночами
В тумане грёз я знала, что ты есть.
Как знак реальности, как проблеск
в полумраке –
Слова, улыбки, запахи, привычки...
Перрон в снегу, лицо
под капюшоном,
Вечерний сумрак, вспышка
электрички.

Лучик солнца на плече.
Ты лежишь ко мне спиной
Рядом – трогаю, но ты
Не со мною.

Загляну в твои глаза.
Но прозрачною стеною
Загорожена душа –
Не со мною

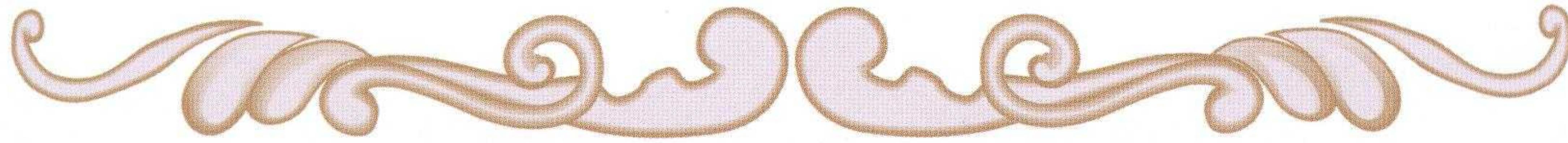
Из глубин моей души
Слёзы рушатся волною.
Боже, как же я хочу.
Будь со мною.

***

В вечернем небе сотни звёзд
Горят холодным белым светом.
И мы идём совсем одни,
И на вопросы нет ответов.

Зажги меня. Вдохни огонь
В мою озябнувшую душу.
Я так бессмысленно пуста,
Я так хочу себя разрушить.

Но звёздный свет в твоих глазах
Меня по-прежнему не греет.
Я обнимаю пустоту,
Сама всё больше леденея.

Наталья Парамонова

Наталья Александровна Парамонова родилась в Сумской области (Украина). В Селятине проживает с 1972 года. Стихи пишет с двадцати лет. Произведения публиковались в газетах «Киевское шоссе» и «Основа». Участвовала в районных поэтических фестивалях и конкурсах. Занимается художественной самодеятельностью (поёт в фольклорном ансамбле «Сударушка»).

Осень

Печальный вид у незабудки,
Над речкой пролетают утки
И журавлей прощальный крик,
Ведь до зимы остался миг.
Растратила природа силы,
Сереет всё, что было мило.
Но обаяньем околдует,
Вдруг свежим ветерком подует,
Хоть дождик мелкий моросит.
Ворона чёрная сидит,
На всё с тревогою глядит.
А что глядеть?

Всё почернеет.

Зима поправить всё сумеет:
Даст отпуск травам и лесам
И свет поблекшим небесам.

Улыбнись

Улыбнись –
Когда хочешь ты плакать!
Стой –
Когда надо бы падать!
Полюби –
Коли возненавидишь!
Вот тогда –
Своё счастье увидишь!

Луна

Нынче полная луна
Долго красовалась.
Уходить с небес она
И не собиралась.

На крылечко вышла я.
В небе – не светало.
Ой, не спрашивай меня,
Что ж так рано встала.

Ой, луна, луна, луна
Ты всегда, всегда одна.
Мне же грустно быть одной.
Погуляю-ка с тобой.

А луна в ответ: «Постой,
Где же милый, милый твой?»
Что ответить мне луне?
Изменяет милый мне.

Ой, луна, луна, луна,
Всех ты освещашь,
Только о любви сама
Ничего не знаешь.

Илья Плохих

Илья Николаевич Плохих родился в Свердловске (сегодня – Екатеринбург) в 1965 году. Окончил Челябинский политехнический институт (1990) и Литературный институт им. А.М. Горького (2001). В Селятине живет с 2006 года. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир» и др., в альманахах и сборниках. Автор стихотворений для детей (печатались в журналах «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Познайка», сборниках издательств «Эгмонт», «Махаон», «Стрекоза», «Детская литература»).

Иван-чай

Среди летних дорог
иногда под дымок
и колес вековую пластинку
островком невзначай
проплынет иван-чай,
в чай дорожный мешая горчинку.

И уже через миг
нас ведут напрямик –
пусть дорога уносится дальше –
в нашу память мосты –
луговые цветы
за вагонным окошком –
как раньше.

Эти встречи редки.
Обгоняя гудки,
мы надолго теряемся где-то.
И цветы всякий раз
тихо смотрят на нас
с колокольни короткого лета.

***

Просто, просто, очень просто,
не хваля и не виня,
птичка маленького роста
смотрит с ветки на меня.

Не боится птичка кошек,
не торопится в полёт,
но не проса и не крошек
от меня на ветке ждёт.

Я не вор и не разбойник,
не ломал другим семью.
Отчего же, словно школьник,
провинившийся, стою?

Что же, птичке потакая,
ворошу свое житьё?
Кто, вообще, она такая?
Что мне дела до неё?

На душе кора-короста
превращается в труху.
Птичка маленького роста,
только с ней – как на духу.

На ходу, не у погоста
был захвачен я врасплох:
птичка маленького роста,
неба северного вздох.

Крестик

Мчат по серой полосе
новички и асы.

Замер крестик у шоссе
в розах из пластмассы.

Крутит-вертит непокой
действие сплошное.
Крестик маленький такой,
а шоссе – большое.

Большая медведица

Рога склоняются у месяца,
светила дальние дрожат,
когда зовет домой медведица
своих сбежавших медвежат.

Печален звук, который создали
ее несчастные бока.
На животе большими звёздами
мерцают капли молока.

Грядет зима. На небе сполохи.
Болит душа в такую ночь.
Куда пропали эти олухи?
Неужто нечем ей помочь?

***

Завершив дела-дебаты
на чужих полях,
в городок пришли солдаты,
все на костылях.

А за ними по дороге,
где-то не добит,
притащился пёс трёхногий,
тоже инвалид.

«Здравствуй, Рита-Маргарита, –
говорил солдат, –
не ругай, что без ноги-то,
я не виноват.

Всей кампании итоги
до того дрянны...
Даже этот пёс трёхногий –
инвалид войны».

Так они потом и жили:
он – лудил, паял.
Без штанины брюки шили
(лишний матерьял).

И во всём честном народе,
даже средь шпаны,
почитался пёс трёхногий –
инвалид войны.

Ольга Разумовская

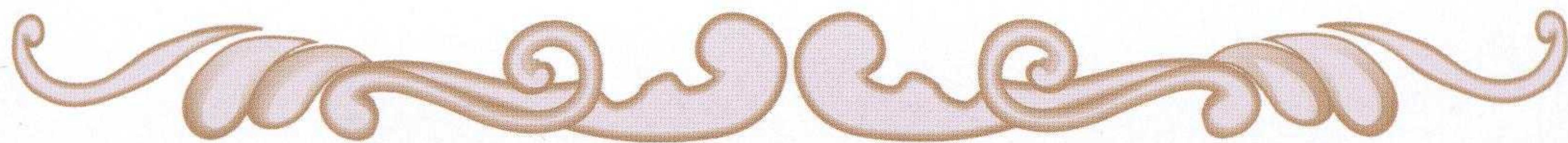
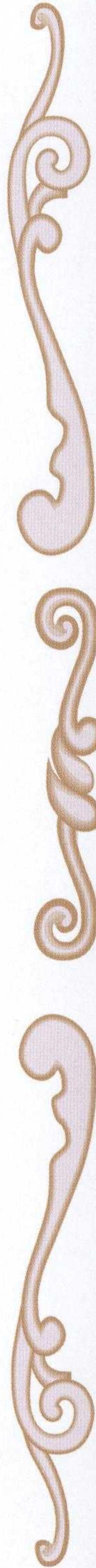
Ольга Владимировна Разумовская родилась в Москве. По образованию театральный художник. Более двадцати лет живет в Алабине, в собственоручно построенном доме. Пишет с детства – в основном лирику. Издавалась в советской и российской периодической печати, начиная с «Пионерской правды». Автор двух поэтических сборников: «Времена любви» и «Десять поцелуев».

Август

Царственный август небрежно роняет в траву
спелые звёзды и яблоки райского сада.

Две–три недели, оставшихся до листопада,
я в подмосковной усадьбе своей проживу.
Клевер и донник, бубенчик купавки резной,
мягкие новые иглы на ёлочных лапах,
слёзы смолы на стволах и малиновый зной –
летнего счастья густой бальзамический запах.
Небо ещё глубоко, словно омут речной,
но по ночам осыпается искрами астр.
Всё ещё чёток кленовых листов алебастр
хрупкой, божественно тонкой работы ручной.
Всё ещё гладки зелёных прудов зеркала
в пышных багетах прибрежной осоки и ряски,
всё ещё бродят под липами летние сказки,
и созревающим сливам хватает тепла.

Но ожидание тлена страшнее, чем тлен.
Осень коснётся крылом и моей ойкумены.
Жизнь изменяется, мы ей прощаем изменения
в тайной надежде прощения наших измен

Летний вечер

Солнце в кронах кленовых тонет,
увязая в сетях ветвей –
новой линией на ладони,
тонкой чёрточкой вдоль бровей
вечер ляжет...
и будет сниться.

Далеко, посреди зимы
кружевное окно в темнице,
в небо ввинченные дымы –
в летаргии белёсой стужи
будет сниться июльский зной.
Станет узел на сердце туже.

Иглы солнца в листве сквозной,
летний вечер, склонивший кудри
над парным молоком реки,
узкий луч в золотистой пудре –
будут сниться.

И вопреки
смыслу здравому и не очень,
повторится до мелочей
летний вечер –
преддверье ночи.
Самой звёздной из всех ночей.

Тихий ангел

Тихий ангел, мой приятель
загостился, загрустил.
Дай – почищу нимб от пятен,
на сухарик – похрусти.
Безотказный мой спасатель –
снова вовремя пришёл –
я опять сажусь писать. Иль –
может, хватит? Хорошо
разливать печаль по строчкам
самодельную, свою.
На весенних, клейких почках
это зелье настою.
Поделюсь, коль кто-то жаждет
отравиться злой тоской.
Я сама травилась дважды.
Или больше? Но какой

сладкий привкус у отравы –
что пила бы и пила!

Напряглись на старте травы,
снова в мир весна пришла.
Я хлебнула – так, на пробу,
как же быстро развезло!
Вот взлетает аэробус,
вот ложится на крыло.
И парю я с ним на пару,
хоть совсем не пара с ним.
Ангел, мой приятель старый,
дай примерить чистый нимб!
Чтобы выглядеть красиво
среди ватных облаков.
Ангел сморщился плаксиво,
отнял нимб и был таков.

Нежнее, чем могла бы я...

Мой друг, вы видите ли сны?
Они вас лечат или ранят?
Всё так же тает утром ранним
любовь в объятиях вины?
На сердце оттепель. Февраль
мне снова сводник, вам – разлучник.
Прицелился античный лучник.
Ваш поцелуй, как след тавра, –
его ни вытравить, ни смыть,
а только снять с кусочком кожи.
Ни в чём мы с вами не похожи,
но как похожи с вами мы.
Я бренди пью под хриплый блюз,
вы под него же чай с лимоном.
Я о безмолвье телефонном
мобильным божествам молюсь.
А вы холодных пальцев дрожь
за дрожь звонка принять готовы,
хоть слышать голос мой альтовый
вам, как и прежде, – острый нож.
Я и сама – булата нерв
блестящий, обоюдоострый,
и мы с печалью вашей сёстры
(как вам всегда везёт на стерв!).
А что вы видите во сне?
Или вам снится, что вы спите?
Как сладость в ноющем пульпите

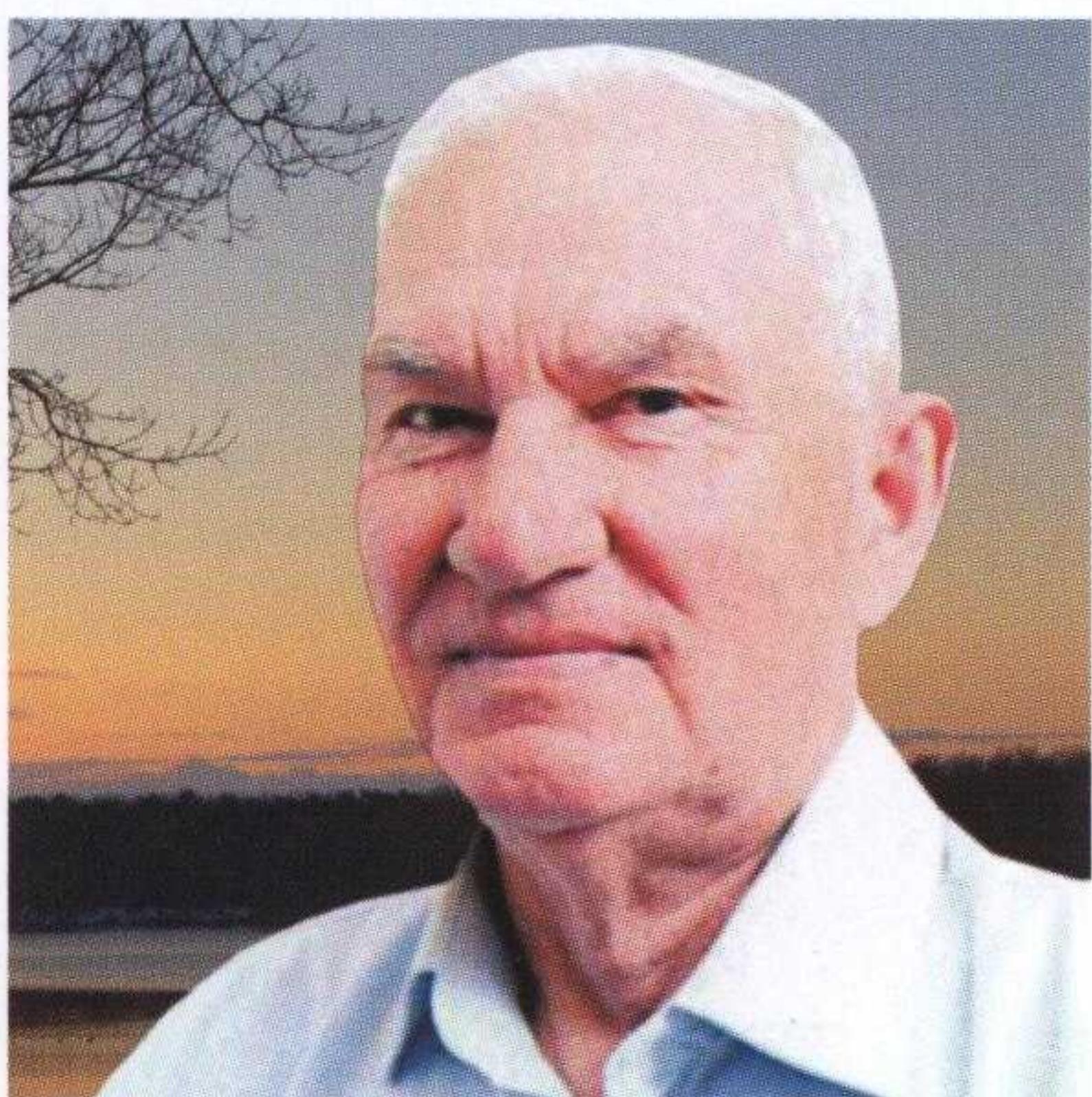
воспоминанья обо мне.
 Февраль – третейский наш судья,
 нас ни помирит, ни рассудит.
 Метель метёт.
 Пусть сон ваш будет
 нежнее, чем могла бы я.

Придёт серенький волчок

Опять не сплю. Барашек номер сто
 бредет, качаясь и вздыхая сонно,
 в тьму за окном, в мой детский страх бездонный –
 где тащит зверь в ракитовый кусток.

Декабрь начнётся с чистого листа,
 зима откроет белую страницу.
 Фонарь луны – в нём контур странной птицы
 и так светло, что можно снег считать.
 Всю ночь сличать снежинок триллионы,
 двух идентичных так и не найдя,
 а небо сыплет их, сквозь ночь цедя,
 и вот уже меж нами бастионы.
 Мы не враги, но больше не друзья,
 и недоступна связь, и бьют куранты,
 и расцвели на стёклах амаранты.
 Рой белых мух летит к теплу жилья,
 на свет в окне, на золотой зрачок,
 где на краю у сна я снова с краю.
 Не упрекай меня, что я играю,
 прижмись ко мне, мой серенький волчок.

Анатолий Савельев

Анатолий Васильевич Савельев родился в Украине в 1942 году. Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева. Работал на стройках Дубны, Томска, Москвы, городов Желтые воды, Родники и др. Ветеран труда. Стихи начал писать примерно в восемнадцать лет под влиянием поэзии А. Блока. В 2011-м издал книгу «Стихи разных лет. Записные книжки». Увлекается живописью. В альманахе представлен как поэт и художник.

Летние берёзы

Нежным пламенем листья
выбросив,
Не спросив у весны совета,
Из белёсой тугой измороси
Все берёзы бросились в лето.

Перемена сильна случаем.
Новым днём, отмечая грозы,
В платья самые лучшие
Приоделись берёзы.

Много звонких чудес на свете,
Но такое увидишь не часто,
Как берёзу ласкает ветер,
Как рождается радуга в чаще.

***

В облака, в поднебесье
От холодной земли
Улетают, как песня,
За теплом журавли.

Над деревней знакомой,
Чуть замедлив полёт,
Окна старого дома
Ищет птичий народ.

Милый край, до свиданья!
Старый дом, не грусти,
Пожелай на прощанье
Счастья в трудном пути.

Пожелай возвращенья
Без потерь и утрат.
До свидания, деревня,
Мы вернёмся назад.

Восьмое марта

Много праздников в году хороших,
Но один нетерпеливо ждем.
Хмурая зима уходит в прошлое
Этим необычным днём.

Пусть еще мороз дерзит прохожим
По утрам и стынет на окне.
На былое это не похоже.
Март – уже прелюдия к весне.

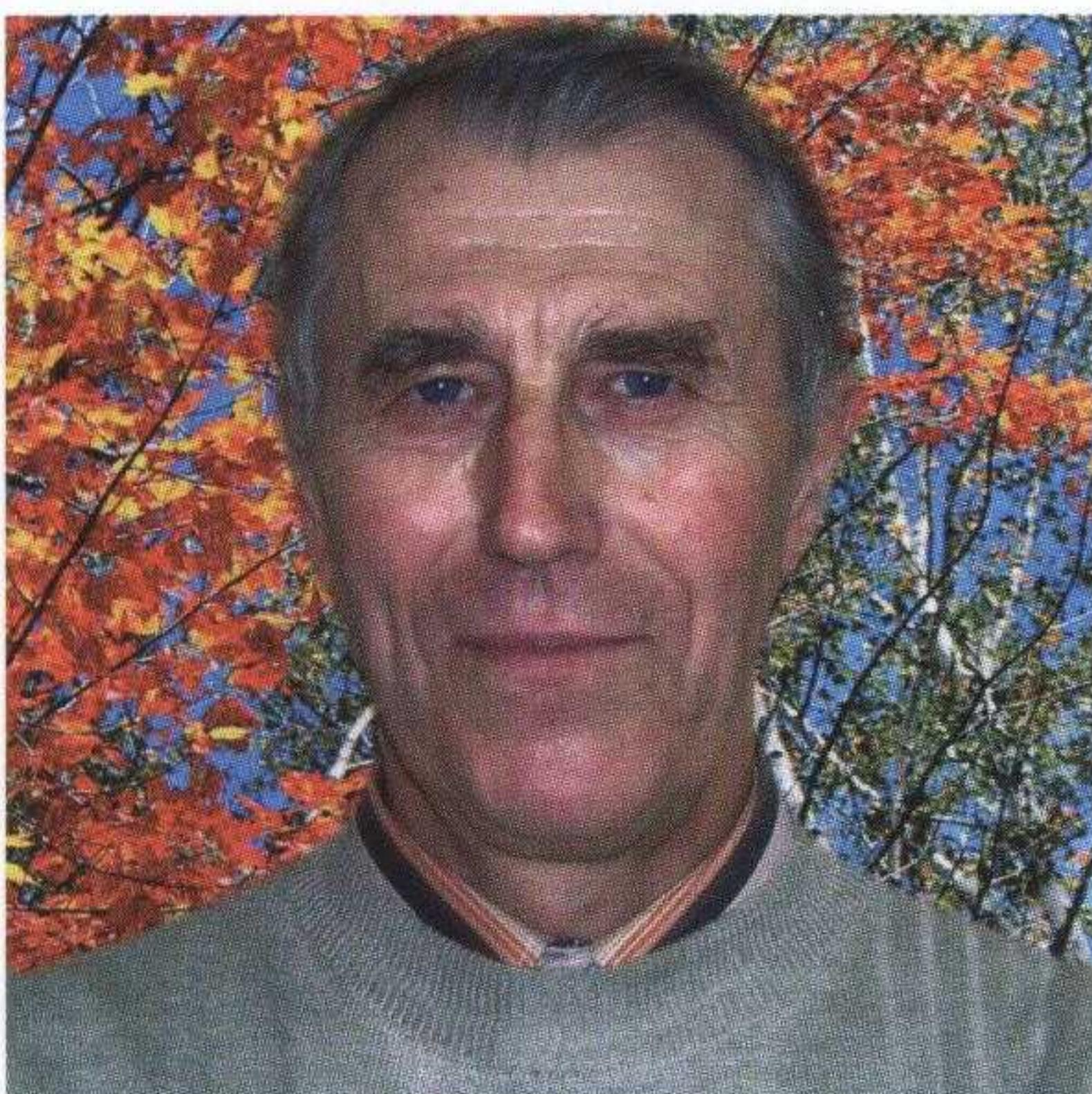
Хоть снежинки на лету не тают,
И сосульки светятся чуть-чуть,
Всё же март упрямо пролагает
В снежностях зимы весенний путь.

В зимних взглядах прячется улыбка
Будущих весенних звонких дней.
Хмурая зима цыганской скрипкой
Плачет над участью своей.

***

Я вас нарисую
Царицей египетской.
Правда, слаб я талантом,
Но хочется очень
Вашу грудь написать
Со змеей символической,
Искушением и устрашением
Царственной ночи.

Геннадий Соколов

Урапочка

Жила-была девчоночка
В уральской стороне.
Про жизнь в деревне тихую
Рассказывала мне.
Будила птичек поутру
Прозрачным голоском,
Как будто, разговор вела
Со свежим ветерком.

Девчонка пела истово
И надо ж так случиться:
Позвали голосистую
В столицу петь учиться.
С тех пор прошло немало лет.
Уральскую певицу
Сегодня знает целый свет
И мира все столицы.

Всё было в жизни: Рим, Париж
И Токио, и Вена.
Но снились ей – под крышей стриж,
Родной деревни сцена,
Поля, луга, сосновый бор
И реченька-подружка,
Тепло седых уральских гор,
Простого кваса кружка.

Геннадий Петрович Соколов родился в Москве в 1944 году. Окончил Московский государственный институт культуры (1969). Член Союза писателей-переводчиков Союза писателей Москвы. Стихи публиковались в газете «Алапаевская Искра», альманахе «Москва поэтическая». Лауреат премии им. А. Грибоедова. Обладатель медали «За верное служение отечественной литературе».

Частица Подмосковья

Селятино-посёлок,
Мой милый, чудный край.
Селятино родное,
Живи и расцветай.

Частица Подмосковья,
Уж больно хороша.
И дышится здесь вольно,
Вздохнёшь – поёт душа!

Как яркие игрушки,
Домики стоят,
И та дорожка к храму
Притягивает взгляд

Звенят, переливаясь,
Его колокола.
И нам напоминают
Столицы купола.

Рядышком с Москвою
Раскинулся ты здесь.
И окружён любовью
Живущих здесь сердец.

Ну как не быть талантам
При этакой красе?
Хоть с виду не атланты,
Трудом здесь славны все.

Селятино-посёлок
Волшебный, чудный край.
Селятино-посёлок,
Живи и процветай!

Прасковья Федулова

Федулова Прасковья Григорьевна родилась в деревне Абатурово Костромской области. Писать начала в 1969 году. Ветеран труда. Автор почти пятидесяти рассказов, опубликованных в периодических изданиях Костромы, Калуги, Наро-Фоминска, Селятино, а также автобиографической повести «Здравствуйте, люди», пока не изданной. Тема малой родины – главная в творчестве Прасковьи Федуловой. За активную литературную деятельность, создание произведений, воспевающих русскую природу, отмечена благодарственным письмом главы городского поселения Селятино.

ДАЛЬ СИНЕОКАЯ ЗАРИСОВКА

*Юность в криках перепёлок,
В луговых цветах прошла,
Средь берёз, осин и ёлок
За околицей села...*

В. И. Куликов

Моя добрая, мудрая, озорная, бесшабашная Таська опять меня «подбила на новые открытия». Шепчет в самое ухо:

– Пойдём завтра за реку за черницей. Дядя Яша – пастух, сказывал, её там полно. Он вчера гнал коров мимо леса, себе накидал целую шапку «не глядя».

– Так уж и не глядя, – не поверила я.

– Да, он сказывал моей бабке, чтоб та сходила и удостоверилась. Так он ей и сказал: «Бери ведро, иди, смело наберёшь».

– Туда далеко, ягодники не ходят. За рекой, – засомневалась я.

– Ну и что? Мы же с тобой выходные, свой черёд отпасли, пойдём, Танча. Правда, жара, но мы поутру двинем, пока слепни не донимают.

– Пойдём, – согласилась я.

У Таськи «бесенята» заиграли в глазах. Она хохотнула, вплотную приблизилась щекой к моему плечу.

– Берём по большой ивой корзине. Ага?

– Да, в неё кладем по краю хлеба и молока.

– Только надевай куртку с длинным рукавом, а то в лесу комарьё заест. Конечно, ступни, чтоб ноги не наколоть, там хлам.

– И хлам, и валежник, – со знанием дела добавляю я.

– И медведик может встретиться, – улыбается Таська, – но они на человека первыми не нападают.

Я задумалась, молчу, соображаю, что ей ответить.

– Помнишь, в прошлом году за Тимофеевским полем стоит тёмный хвойный лес, там они почти весь черничник обсосали. Ягодки-то сладенькие.

Возбуждённо-радостные идём узенькой тропкой, что пролегла посреди льняного поля. Её так утрамбовали босыми ногами, что она блестит. По пустякам хохочем, наперебой кидаем «кружки-наберушки». А то, как по лесу с корзиной таскаться? Поставим на пенёк и – бери ягодки в кружку, потом в рот, в горсть – и в корзинку.

Неохватная глазам синева цветущего льна. Куда ни глянь – синее, голубое море. Ветер слегка колышет чистый без сорняков ленок. А вдаль глянь – поле сливается с небом, таким синим, необъятным. В небе кружат и поют птицы на разные голоса. Нарвать бы такую льняную красоту да сплести венок... Но нельзя. Из него много семени будет. Иди, любуйся дорогой, милой природой! Радуйся каждому цветку! Вот и закончилось поле. Впереди красивые скошенные заливные луга со стогами сена. Туман ещё не развеялся, голубеет у реки – сплошная дальняя синь. Всё перемешалось в такой красоте – цветущее льняное поле, луга, река, туман над ней синий-синий. Даль синеокая! За рекой лес не шелохнется, стоит в синем мареве, пока не проснется. А птицы снуют под ногами, летают над головой, парят высоко в небе. Вот какая-то махонькая птичка бежит впереди нас, посвистывает, крыльшками подёргивает, в разные стороны поглядывает, нас не боится, чувствует, что мы ей ничего худого не сделаем.

– Вон, видишь, ласточки низко летают, дождя б не было, – беспокоится Таська.

– Это они цветущим льном любуются, – отвечаю я.

Тихо бредём по полю босиком, ноги колет стерня, ступеньки привязаны к корзине – в лесу наденем. Вдруг Таська выхватила из корзины свою кружку, как катанёт по луговине, ручка отвалилась и остановилась у небольшой кочки, заросшей высокой кашкой – травой. Она наклонилась и ойкнула:

– Смотри, Танча, тут гнёздышко, вон яички серенькие лежат.

– Вот почему птица-то, видно, мать, впереди нас бежала, предостерегала, чтоб мы случайно не наступили. Вон, вон она стоит, прыгает, свистит – боится, чтоб мы гнездо не нарушили. Ну и свист! А может, она так поёт?

– Запоёшь... когда её домику грозит опасность. – Таська, становясь на колени, скидывает с плеч свою корзину, норовит потрогать яички.

– Нельзя, не тронь, мать-то как волнуется, счас тебя клюнет... Зачем птица неразумная тут гнёздышко свила? – Я тоже наклонилась, смотрю.

– О... ты стихами заговорила, – Таська хохочет.

– Так получилось, – оправдываюсь я.

Таська прищурилась и уже строго обратилась ко мне.

– Давай спасать гнездо.

– Конечно, а то скоро птенцы вылупятся, их дождик замочит.

Поставили корзинки на траву подальше от гнезда, чтоб птица не волновалась, побежали в ближний лес, наломали веток, ободрали бересту с валёжной берёзы и построили домик для птенчиков в их же гнездышке. Птицамать стояла рядом и нам уже не мешала. Мы накрыли крупными ветками гнездо, затем расправили бересту, накрыли, как вроде крышу, и опять положили веток, чтоб ветер не сдул. Сами отошли подальше, легли на луг, наблюдаем. Птица-мать осторожно (проходик для неё мы сделали сбоку) вошла в своё гнездо, покопошилась и уселась на яички. Её кловик нам был хорошо виден, она как бы прилегла отдохнуть, согреть своим тельцем ещё не вылупившихся деточек.

– Всё ж молодцы мы с тобой, Тая. Хорошо-то как!

Таська рада себе и моей похвале, хитро улыбается. Встали! Пошли за реку, вон она вдали синеет.

– Ох, и даль синеокая! Погляди вокруг на луга, на стога, на поле с цветущим льном, когда-нибудь всё представим это, находясь вдали от дома, – грустно говорю я.

... Таська подставила ладошку ко лбу, зажмурилась и добро-добро улыбнулась. Схватили обе корзины, повесили себе на плечи, кружки гремели, а мы хохотали, отнимали друг у дружки, катались по лугу. Затем съели все припасы, захотелось пить.

– В реке не надо, а то пескарь случайно в рот попадет, – Таська смеётся, я тоже.

– Скоро наедимся черницы, вот и питье, – добавляю я.

Впереди брод, накидали на дно жердей, с визгом, чтоб не свалиться, перешли на тот берег, и перед нами открылась невероятная картина: вся опушка у леса синяя-синяя от черничника. Он частично выгорел на солнце, и снизу доверху висят крупные-крупные ягоды.

– Вот это да! – Таська в восторге остановилась.

– Тут столько ягод, что, не заходя в лес, наберём.

– Давай сперва наедимся, – Таська восторженно засмеялась. – Ведь скажи кому в деревне – не поверят, что столько черницы растёт на опушке.

– Все ходят в лес, а мы удивим всех, да?

Досыта наевшись, легко набрали по целой корзине. Я наклонилась и вдыхаю, вдыхаю запах ягод и ивовых прутьев.

– Тяжеловато, поди, килограмм пять будет.

– Чего бормочешь? Понесу я, а ты порви веник черничника с самыми крупными ягодами, деревенским покажем.

– Пусть все идут сюда. Я тоже так думаю. Я сама понесу свою корзину.

– Нет, тебе нельзя. Я сильнее тебя, – она так отважно хлопнула меня по плечу. Добро улыбнулась.

– Давай отдохнём.

– Давай.

Мы прилегли на белый сухой мох, задремали. Корзинки стоят рядом, прикрытые от насекомых крупными дикими листьями малинника. Таська приподнялась, дотянулась до ветки черничника, сорвала горсть ягод, раздавила в руке и принялась мазать мои ноги.

– Ты что? – Встрепенулась я, – сейчас мошка облепит.

– Да я, да я... – Таська хлопает выцветшими ресницами. – Я, чтоб ноги у тебя не болели и были крепкими.

– У меня и так крепкие.

– Ну, не как до болезни.

– Хорошо, а я вот тебе сейчас лицо измажу черницей, чтоб у тебя не было веснушек, – строго сказала я подружке.

– Не сердись, я думаю как лучше, – Таська умолкает. – Танча, а вдруг медведик выйдет, я сейчас зайду в лес, в самую чащобу посмотрю, а вдруг и там ягоды? Я не боюсь, ты тут побудь.

На некоторое время её не было видно, слышно, как поёт свои частушки. Медведя пугает – решила я. Выходит, отряхивая свой платок от листьев хвои.

– О!!! Там ягод, ужас сколь! Черничник мне до пояса. Бери, и наклоняться не надо.

– Отдохнули? Двинем домой.

Измазав свои лица черницей, мы направились через реку. Таська несла обе корзины, я всё остальное. Мое сопротивление о «своей ноше» она не воспринимала, кричала на меня, отталкивала от корзины. И вот мы идём сине-голубым льняным полем. Птичкин домик остался в стороне, заливисто трещат кузнечики, поют на разные голоса птички, парят в небе, летают над головами. Ближний лес тихо шелестит листьями.

У Таськи на плече болтается «всё лишнее», а у меня в руках «венник» с ярко-голубыми крупными ягодами. Обе устали.

– Завтра опять пойдём, – тихо говорю я.

– Обязательно, Танча.

Вышли с поля – прогон. Уже видна наша родная деревня, где так тихо, светло и уютно. На ум приходят непрошенные стихи:

Отчий край, навсегда облюбованный,

До чего ж ты и вправду хорош!

ЗА МЕДОМ

ОЗОРНАЯ ЗАРИСОВКА

*Ах, как сердце смириться не хочет,
Что и осень пошла под уклон.*
В. И. Куликов

Опять Таську угораздило провиниться перед своей бабкой. Злая она у нее. Как что не так, забирайся под кровать и жди гневного наказания – голиком исхлещет весь зад. Таська орет как подрезанный поросенок. Испуг бабки понятен, она бросает веник в куть и бежит скотину встречать.

– Вот ведь, озорь, ну и внутика, ведь только вчера, приехав с базара, родные люди передали для Мини гостинчик: «Отвези свежих пирожков с мясом». Ладно, передам.

…На край шкатулки положила, ну, думаю, пойду за скотиной и Мине отдам. Вот обрадуется малый, хоть поменьше матерились будет. Только отвернулась – нет пирожков. Съели, одна обертка – масляная бумажка осталась. …Нет, это не одна ела. Это две «норки» – все успевают. Ведь целых пять пирожков было. Вот заставлю полный день таскать хмель из-за реки. Если на таскают целую кадку – суходонку так и быть прощу. Сама пирогов напеку на хмелю… как получу свежий урожай муки. …Что сделаешь, если у них, деток наших, одна мысль на уме – чего б поесть? Какой перенесли голод – теперь их и не накормишь. Вкусненького-то не видали: все мякина да дуранда, – про себя шепчет бабушка. – Из сладкого-то ели одну свеклу да морковь…

…За реку идти далеко, три пути надо сделать, чтоб «суходонку» наполнить. Да еще как на дерево-то забраться? На лиственницу у омута. Один Миня только и горазд, ох, цепкий. А хмель-то крепко обвил дерево и вьется вокруг из года в год. Густой, вызревший большими круглыми шариками. Когда луг косили, мимо не пройдешь. Крепкий удущливый запах голову кружит, в глазах темнит. Только Миня может на лиственницу забраться и плетями скидывать хмель на землю.

…Радостные мы с Таськой сели на новую качель. Хохочем – наказание миновало. Так шибко раскачались, ноги болтаются, ничего нас не тревожит, не омрачает. Размах не уловишь, только ветер свистит в ушах, визг, хохот, вдруг обозначился у столба качели. Миня. «Где мои пироги?» – строго промолвил. И так раскачал. Мы – через вал – и в крапиву. Орем, плачем, вытираемся подолами платья.

– Миня, Миша, ну, ладно. Не злись, мы с тобой расплатимся. Насbrasываешь нам в корзины хмеля, мы все сами общелужим и на твою долю. А еще – мы тебя возьмем завтра за медом в Хорошево. Знаешь такую деревню?

– Знаю, – смягчился паренек, – Там у вашей родни ульи.

– Да, у дяди Пети, – бодро подтвердила Таська. – Слыши, нынче много меду!
Он заулыбался, повеселел.

– Завтра, так завтра.

Таська подмигнула и слегка тронула его за рукав.

– Мишь, не сердись, возьмем тебя, только матершинные частушки петь не будешь? – Не буду. Идти лесом так страшно, тут и хорошее-то петь рот не разевается.

– Решили, пойдем, с собой еды не брать, меду наедимся, – подытожила подружка.

– Раскатай губу: дядька-то ваш жадный, я знаю, я к ним в деревню овец пасти нанимался.

– Дак мы же денег возьмем, вон моя мамонька и то дала рубль, да Тасина бабка – два. Тут как раз на килограмм хватит. Купим и будем беречь к празднику, – охотно поясняю я.

– Ха-ха! – Миня заприплясал, – Сразу слизжите. Знаю я вас, все ваши повадки знакомы. Одно на уме – набедокурить.

– Ага, – Таська ехидно сощурилась, – помнишь, как нас в грязной луже искупал? Ехал на ло-

шади с навозом – садитесь, девоньки, клок льна под сиденье подостлал – покатаю вас.

– А сам, – вступаю я. – Остановился в самой низине и кнутом вертит над головой поверх наших голов – слезайте – кричал. Все, Миня, помним. И тебе отплатим.

– А кто зимой снегу в штаны мне насовал? Тайка, а ты меня держала. Все, не пойду с вами, идите лесом, пусть вас волк схватит.

– Ладно, Миша, не злись, – ласковым голосом говорит Таська, – мы это так, мстить не будем. И лесом пой любые разлюбезные свои песенки.

– Прощаем, Миня, только возьми для острастки на зверя колотушку, – тихо советую я.

– Да, да попроси у сторожа дяди Яши, все ж понадежней с «оружьем-то», – подтвердила подружка.

Минька поддернул ремень на шортах, которые держались на одной большой пуговице, и заплясал, притопывая босыми ногами:

По деревне с колотушкой.

Девки думали – пожар.

А я молоденький парнишка

Без штанов домой бежал.

– Ну, начинается! – Таська недовольно скривила губу, шепчет на ухо, – Побереги голос на лес.

…Подходим к опушке леса. Глиняная кринка обернута белым чистым платком. Кринка брякнула о коленки подружки, та испуганно остановилась.

– На, Танча, неси, ты поспокойней, а то я забудусь и – хрясь по посудине. Опять бабка голиком всю исхлещет, моду взяла. Как чуть-что – держи ответ. Голик, она зовет. «Шутник», – наготове.

Карманов ни у кого не было. И Таська, надо знать подружку, – сложила денежки свои и мои в трубочку, отколола булавку от ворота платья и приплонув на волосы, пришипила деньги к виску. – Так не потеряются и красиво, как заколка.

– Миня, дуй вперед, короткую дорогу показывай.

И вот мы уже на крыльце дяди Петиного дома.

Шагая по чистым широким некрашеным ступенькам босиком, не открывая двери в горницу поем: «Мы за медом пришли, вам добро принесли».

Высунулся в притвор двери дядя Петя, улыбается. Миня покачивается со смеху, схватившись за живот, поднял вверх выцветшую клетчатую рубашку, вдруг «ударил» басом «Удивитесь, чьи мы гости, из деревни Кто-куды»…

– Знаю, знаю, – дядя Петя отряхнул бороду, снял пчеловодную шляпу. Снял сапоги (видно только что ходил в ульи) поманил нас своей широкой ладонью, пододвигаясь на лавке. А запах в избе – хоть мед не пробуй! Все, кажется, пропитано ароматом лугов, цветов. На лавках стоят полные медом кастрюли, бачки, битончики. По окнам, бодро взъявлено жужжа, что их потревожили, – пчелки. Их много.

– Медок нынче хороший! – Гладя по столу большущей рукой, говорит Петр Степанович. – Вот бы еще накачать, задумал я избу вывесить, хотя бы перед. Вон как клонится, стара уже постройка. А где ваши посудины?

Таська развязала кринку, подала, платок сунула за пазуху.

– Вот вам медку, помакайте, – он налил аккуратно в чайное блюдце, отрезал полбуханки хлеба. – Ешьте, а я пока криночку взвешу, потом он бережно налил в посудину два деревянных черпака меду, долго вешал на безмене, очки его скользили по лицу, он машинально их поправлял, как бы не ошибиться.

– Все готово – килограмм, – подытожил хозяин и поставил кринку на стол. Таська отстегнула от волос деньги – подала.

– Кончай вылизывать блюдечко, – злобно шепчет Миня, – до дыр доскребетесь. Пошли домой. А то пчелы увидят ваш мед, налетят и изожгут. Мы вылезли из-за стола, помолились, поклонились за угощенье. Я надежно перевязала кринку платком, сделав для ручки петельку.

Спускаемся по прохладным, пропахшим медом ступенькам крыльца, переглядываемся.

– Жадина дядя, – шипит под нос Таська, пойдемте скорей за деревню, там попробуем своего, из кринки. Ага?

Околица вся в цветах, трава не мята, по ней ползают зеленые кузнечики, а вот проскакала через дорогу лягушка, а за ней два крохотных лягушонка, они запутались в пыли дороги. Минька мигом их схватил в ладони и посадил на спину матери. Сбоку, качая хвостиком и крыльшками, какая-то сизо-серая птичка кого-то зовет тонюсеньким голоском: поди, птенчик где-то следом тащится. Поодаль рожь, вся пересыпана васильками. Сплошное синее чудо. При дуновении ветерка она колышется, играет волнами, плавно качается колокольчик, по обочине ромашки кусток, чуть поодаль желтая пижма, а далее-далее поле цветущего гороха. Солнце играет яркими лучами.

— Давай нарвем васильков. Они такие красивые: чистые, откровенные, улыбчивые, как наши глаза, — синие-синие, — предложила я подружке, улыбаясь.

Во! Во! А кто это мчится на паре лошадей с таким звоном? Дрожки прыгают, того и гляди из них вывалиются молочные фляги, звон стоит ужасный. Это едет молоковоз Ванюшка. С пустой тарой, сдавал молоко с фермы на сырзаводик.

Машет нам — садитесь.

— Не-а, мы лучше пешком пойдем, такая пыль и в мед попадет, — шепчет Миня.

Мимо! Мимо! Все — Таська отмахнулась.

— Не зови — не поедем!

... Впереди ручей.

Присели на горку. Таська уверенно развязала платок.

— Не надо. Зачем? — Загораживаю рукой я кринку. — Оберегаю мед.

— Наш мед, я и хозяйка. Резко отвечает подружка. Она втиснула свои щеки в кринку, такую гладкую отшлифованную глиной. Ой, а вкус-то, аромат-то! Мед в ней золотистый. — Ой, вкуснота, не утерпишь. Давай попробуем. Она опустила в мед палец, он сделался толстым золотистым, она раз и в рот.

— Смотри — не убавилось. Давай ты.

Я повторяю тоже самое. Раз, в рот и — не убавилось.

— Миня, ты только долго палец не держи. Чуть-чуть и в рот. Ладно? — Таська строго смотрит на нас. — Все! Домой!

Пришли домой, бабка поет на крыльце, встречая: «Ой, умницы-то — старательницы». Распахнула калитку. Мы неуверенно вошли в избу — сейчас будет... Минька резко перешагнул через порог. Взял кринку из рук Таськи — водрузил на стол, бабка торопливо развязывает.

— Ох, батюшки! Сколько же вам дали меду? Где он? На один чай только и хватит... Мы — в рев, бабка — за «шутник».

— Не дам Таю лупить, мы все ели. А что она добрая, то это не в упрек. — И Минька загородил дорогу к столу, прикрывая собой Таську.

— Баба Марья, мы виноваты, съели. Я тебе отдам деньги. Заработаю. Сдам пять мешков хмеля в сельпо — вот и все. И за тебя перед отпасу скотину. Он повернулся и ушел

— Ну, что убежал? Счас чай поставлю. Вон и земляники целая тарелка. Что с вами поделаешь? Безотцовщина... Сиротство... — со слезами бормочет старушка. — Ладно, уж...

ПОЯСНЕНИЕ СЛОВ:

куть — передняя часть избы;

голик — веник без листьев;

шутник — прут из голика;

дроги, дрожки — повозка, в которую запрягают лошадь;

дуранда — брикетный жмых для коров;

суходонка — кадка с тонким дном для сыпучих продуктов (крупы, муки, ягод, хмеля, сухих грибов и др.).

УРАГАН

Утро выдалось, как и должно быть в августе у нас, прохладное, росистое. Изредка выглядывало холодное солнце. Тускло светило сквозь гущу облаков. Ничего не предвещало неожиданного.

Хозяйки, обрядив скотину, рань-прирань умчались на дальние покосы метать стога. А-ну как зарядят дожди? Надо торопиться. Сена накошено много, каждый кустик в делянках обкосили, на всю долгую зиму б хватило. Бригадир распорядился: два стога совхозу, один стог – себе, на свое подворье.

Еще с вечера нам – ребятне – строго-настрого наказали – от дома не убегать, полоть грядки и встречать скотину к вечеру. Миха ремонтировал велосипед в завозне, Гена отбивал косы для завтрашней косьбы. Нина с Юрой возили на тележке сено на поветь со своего огорода. Таське наскучило полоть свои овощи, бросила в бороздку тяпку, прибежала ко мне.

– Вроде, где-то громыхает вдали. Слыши, пойдем в избу. Я ужасно боюсь грозы.

Пастух Якимыч не чувствовал приближения грозы и угнал стадо в дальний лес, за реку, где любят пасть животные, где и водопой рядом, водичка течет по мелким камушкам с горки высокого ручья. Лес заслоняет животных от овода, от всякой мошки.

Вдруг налетел ветер, сорвал платок с моей головы, сбил с ног Таську, поднял тын-забор вместе с калиткой и давай кружить его в воздухе, поднялась пыль, домов не видно, щепки и дрова из полениц летели в разные стороны.

– Гляди, гляди! – Таська, заливаясь слезами, поднялась с земли и, указывая рукой на болото, – смотри, стоит на небе какой столб.

– Да, весь белый, движущийся, – ужаснулась я.

...Оставшиеся дома старушки с испугом глядят в подслеповатые окна, некоторые вышли на крыльцо, приставили торцы ладошек к небу, тихо шепчут молитву, потом крестятся.

– Такого не было вовек. Не видывали, – захлопнув калитку, всхлипывает Ольга Ивановна.

Свалило три прядла с Таськиного огорода, а у нас полетели вверх два домика-улья. Пчелы зашумели, полетели в разброс, стали ужасно жечься. Снесло крышу со двора Юркиного дома, и она вместе с балками и дранкой валялась в пыли на дороге. Ветер-листодер рвал и ломал макушки вековых лип. У бабушки Настасьи раскатило поленницу дров, поленом придавило курицу, не успевшую вбежать на поветь. Свист стоит в воздухе. На дворе петух не запел, а закричал, загоготал призываю, тревожно. А белый столб медленно, медленно движется вдоль болота к лесу. Деревья падали, трещали, гнулись в этой лихой круговерти. Мелкие камни и камушки, гонимые ветром, выбивали стекла в избах, банях. Раскатисто странно гремел гром. Стало совсем темно.

– Ой, что будет со скотиной, – плакала навзрыд бабка Наталья, усевшись на липкое мокре свое крыльцо. – Ребят, побрякайте хоть в «звон».

Минька залез на липу, взял оттуда положенный для «дела» молоток и забил по лемеху, что есть силы. Набат... Набат! Бегите, люди, с сенокоса... В деревне беда...

Небо прошила яркая извилистая спиралью молния. Гром! Небо раскололось. Темень. Мы с Таськой взвыли, прижавшись друг к другу. Идти, идти надо, но нам не подняться с земли, до калитки не дойти. Страх сковал сознание. Из-за леса мчится что есть духу верхом бригадир Борис.

– Ну, ребята, скорей в тепло! Все, все в одну избу. Вон и столб уходит к лесу вроде бы, от нас удаляется. Бегут, бегут ваши мамки из леса, стога сметали и, испугавшись, услышали ваш набат. Молодцы, не растерялись. Как вот теперь скотину уберечь? Смерчь-то пошел как раз туда – за реку, в лес.

– Ой, темно, ничего не видно, одна грязь нас забросала, – оrem мы, вытираясь грязными ладонями.

А ветер не унимается, повалил град, свист, грохот в воздухе. Мы с Таськой, переодевшись дома в теплую одежду, надев галоши на босую ногу, побежали по частным дворам раскрывать калитки для скотины. Ведь все хозяева-то в делянках, вот-вот прибегут. А столб как бы быстрей стал уплывать в сторону леса, реки.

– Ой, там стадо, – взревела я.

Таська вцепилась в меня, и двинуться нам нет сил.

— А как-то там Малька, наш ягненочек? Ведь мы его кормили из бутылочки. Он там, поди, запутался в таком аду. И мамка его отталкивает, и старшие ягнята! — Вопит, добавляя мне испугу, подружка.

Стада не видать. Мы — вся ребятня собралась — сидим на пряслах и плачем, орем, нас не видно в этой густой кашице. Вдруг — слышь, пастух барабанит в свою барабанку. Уже, вроде, недалеко.

— Якимыч, гони скорей, спаси стадо, — взревел Минька.

Юрка спрыгнул с жердин — и бежать к лесу, за ним все остальные. Миг — из леса вылетела стадо овец, телят. Их, ох, много. Бегут к прогону. Это с виду телята тупые, неповоротливые. Когда утром идут к стаду, понуря голову, — будто дремлют. А тут — задрав хвосты и вертя ими в воздухе, ревут, мычат — бегут домой, в свой хлев. Крик, рев быка, коров. Заглушило все вокруг. Обогнав стадо, впереди мчится огромный бык — Буян, гроза всего живого. Вдетое в ноздри кольцо достает почти до земли. Он воет, роет короткой толстой ногой землю, копытом бросает на себя, на свою бурую, дыбом торчащую шерсть, оглядывается на стадо и бежит, бежит к прогону. На шее его привязано не ботало, как у коров, а кожаный широкий ремень с бубенцами. Они глухо позванивают. Это ребята с озорства, ради шутки еще в прошлом году, когда Буян спал на лугу, заломив тяжелую рогатую голову себе на шею, привязали лошадиный бубен, аккуратно застегнув на все прорези. Вот он и гулял, а может, и гордился таким звоном. А может, итише стал, а то за всеми бегал, норовя боднуть или поднять на рога любого обидчика своего стада.

Стадо заполнило весь прогон. Коровы испуганно тычутся друг в друга, норовят боднуть соседку в бок, мычат уже потише — видно, из сил выбились. До того сгруппировались, их не разомкнешь. Вижу, у одной проколото вымя, и из него сочится кровь и молоко. У той вон самой красивой телушки сломан рог и болтается на мордочке.

— Ребята, я за ветеринаром в Куприяново. Справитесь? Выстраивайтесь цепочкой к скотному двору. Буря ушла, загоняйте стадо в стойло, — сказал Витя и помчался на велосипеде.

Ни одна животина не перепутала свое место на ферме. Только Буян не захотел входить в свое стойло. Он упрямо, вытянув голову, устроился в сеннике посредине двора. Отогнать его никто не решился, он косил кровавым глазом и тихо постанывал, думал... вот, вот если опять ураган, он в щепья разнесет ворота и выгонит все стадо на улицу, чтобы не привалило балкой. Поддав рогами сено и забросив на спину, он улегся, отвернувшись от всех. Он спокоен. Ураган стих, только ветер свистел и выл. Наше стадо первым вбежало в свои ворота. Мне осталось только припереть лопатой и бежать в прогон встречать пастуха.

Таська меня опередила. Она уже накинула на Якимыча кожан и принесла сухие галоши. Он стоял растрепанный, без кепки, грязь струилась, текла с головы до ног, одежда его вся в клочья изорвана. Он тихо плакал.

— Пойдем к нам, — позвал его Миня, — бабушка моя и печку затопила.

Но пастух плакал, навалившись на сломанное прясло.

— Дядя Яша, пойдем к нам обедать, — позвала я, — наши с делянок уже прибежали.

— А у нас одежда сухая есть, — прервала меня Таська.

— Погодите, ребятки, оглянусь на лес, хоть какую мы миновали страсть, — смотрите, а кто это шариком катится из леса?

— Черненький шарик, — шепчет Миня.

— Да это наш Малька! — радостно кричу я. — Ягненочек наш. Он уже в прогоне.

— Велик ли отроду? — вступает Якимыч, — а и тот дом чует. Манит дом-то. Пастух улыбнулся, и... всхлипнул.

— Вот она хотя и маленькая жизнь, а... домой.

Ягненочек ни на кого зла не имеет, что его забыли, что очнулся он в серединке между двух пеньков и понял — скорей домой, вот и ямки от копыт ведут в деревню. Наверно, и его ждут. Скорей ... домой...

ПОЯСНЕНИЕ СЛОВ:

тын — изгородь из молодых березок, осинок, ельника;

поветь — снизу — двор для скота, сверху — сеновал;

прясло — жерди изгороди, с обеих сторон укрепленные кольями;

кожан — непромокаемый брезентовый плащ;

лемех — деталь плуга.

Людмила Цуканова

Людмила Александровна Цуканова родилась в городе Бабушкин (ныне это часть Москвы), выросла в Алабине, училась в Петровской средней школе. Выпускница Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской, училась в Институте математики АН СССР. По окончании МОПИ уехала по распределению в Томск-7, где пять лет преподавала математику в школе. С 1970 года проживает в Селятине. Ветеран труда. Стихи пишет с четырнадцати лет. Автор двух поэтических сборников.

***

***

Апрель.
Растаял снег.
Повсюду мусор, слякоть.
И на душе неприбраннысть
Под стать.
Ну хоть бы небесам
Дождём заплакать,
Но и дождя, наверно,
Долго ждать.
Тоска...

Давай сбежим туда,
Где воздух синий
Ласкает ветви
Нежные берёз,
Где нет прямых
Привычно серых линий,
А все просторно, вольно,
Все всерьёз.

Там тишины ничуть
Не нарушают,
Ни ветра вздохи,
Ни ручьёв трезвон.
И щедро сок берёзовый стекает
в доверчиво открытую ладонь.
А солнце не слепит,

а из-ли-ва-ет

На всё свое тепло
и благодать
Так щедро, что
и в нас душа оттает
И остро вдруг
захочется летать.
Давай!

Я так люблю домашние застолья –
Несспешный их душевный разговор!
Здесь шутку понимают с полуслова,
И вспоминают милый детства

вздор.

Средь разговора тихо возникает
Мелодии задумчивой краса
И всех в своё теченье вовлекает.
И разных поколений голоса
Несут в неё оттенки и нюансы.
И замедляет время свой поток.
И звонко в вязь старинного романса
Вплетает нити детский голосок.

***

О! Как чудесно ты приснился:
Закат весенний догорал;
Ты ласково к руке склонился
И пальцы мне поцеловал.
И нежность тихую, и грусть
Таило то прикосновенье,
Так захотелось мне вернуть
Весну мою, хоть на мгновение.

***

Тонкий месяц над тонкой берёзой,
И всё тоньше полоска заката.
И мечтательно, и серьёзно
Зимний день уходит куда-то.

Вслед ему загораются звёзды,
И напутственно окна мерцают.

И, поскрипывая морозно,
В тишине шаги замирают.
Мир, покой на душе, только мысли,
Что такое уж было когда-то,
Что ещё один в моей жизни
Зимний день уходит куда-то.

***

Бывает всё на свете плохо.
В чём дело, даже не поймешь!
Всё хочется стонать и охать,
И от всего бросает в дрожь.
А надо просто не в себя –
Наружу взгляд свой обратить
И станет ясно: у тебя,
Как и у многих, жизнь как жизнь!
И надо ею упиваться,
И наслаждаться, и дышать,
В работу с головой бросаться,
А не «сидеть у моря, ждать...»,
Любить взахлёб и быть любимой,
И радость щедрую дарить,
Кому-то быть необходимой,
Искать, творить, короче – ЖИТЬ.
Жить, улыбаясь, вдохновенно,
Чтобы во всём: в любви, в делах,
В здоровье, в дружбе,
в увлеченьях –
Всё у тебя было на «Ах!».

***

Бабье лето застенчиво
Согревает поля.
Обнаженна, доверчива,
Отдыхает земля.

Стал за лето попроще
Ситец неба – поблён,
Но накинули рощи
Разноцветный платок.
Журавлиною строчкой
Полог неба прошит,
И оставшимся шёлком
Паутинка скользит.

Мир просторен без меры,
Тёплый, звонкий, большой.
И наивная вера:
Будет всё хорошо!

Я люблю Москву утром ранним,
Когда спят её скверы и здания,
В нежной дымке бульвары, мосты,
И пока ещё нет суеты.
Хорошо в тишине, не спеша,
Разглядеть, как она хороша!
От вокзала, едва рассвело,
И ещё не открылось метро,
Восхищённо пройти по Тверской,
Наслаждаясь её красотой
И свободою перекрёстков,
Перспективою башен кремлёвских.
Пересечь Красной площади ширь
(Ничего нет торжественней

в мире!),

Под курантов ликующий бой
Вознесись над Москвою-рекой
И нырнуть в прохладную вечность
Переулочеков Замоскворечья.
Как люблю я Москву утром

ранним!

***

Душа истосковалась по зиме:
По хрусту под ногами, по морозу,
По ярким звёздам в звонкой
вышине,
По кружевам на хвое и берёзах.

Однажды, ожиданья не стерпев,
Она взметнётся, ночь одолевая,
И улетит туда, где утра свет
На кронах кедров искристо мерцает.

И, насладясь желанной красотой,
Она впорхнёт в твой сон
рассветной птицей.
Охваченный неясною тоской,
Ты так и не поймёшь, кто
тебе снится.

Воспоминание

Была морозной ночь.

Нас грел костёр.

К высоким звёздам искры улетали.
И тёк неторопливый разговор
О музыке, о страсти, о печали...

А утром, ослеплённые снегами,
Мы вышли к речке.

Подо льдом текла

Кристальнейшей прозрачности вода
И шевелили рыбы плавниками.

В счастливом удивлении мы шли,
Скользили над подводными
мирами,

И водоросли прямо под ногами,
Змеились и всплывали пузырьки.

Как пело всё в душе от красоты,
От ощущенья чистоты и счастья,
От чуда, что продлить
не в нашей власти,
И от того ещё, что рядом ты.

***

Люблю я сумрак зимних вечеров.
Как жаль, что нет в жилье
моём камина-
Подобья тех мерцающих костров,
Что согревали на маршрутах
длинных.

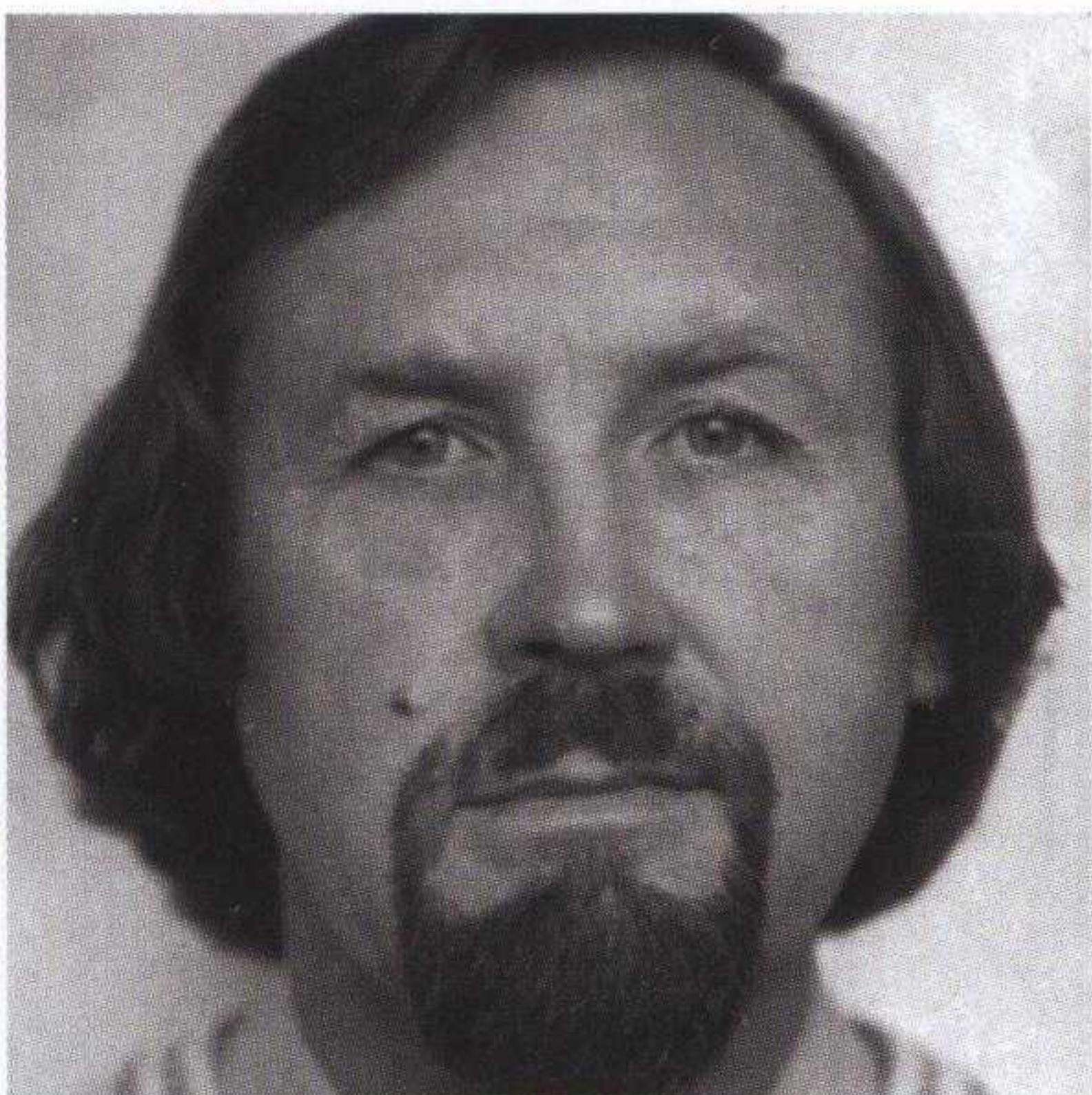
Не зажигая света, долго б я
В молчании на пламя любовалась.
Мне в вечной тайне
волшебства огня
Завеса жизни бы приоткрывалась.
Но и сейчас... Подолгу без огня
Стою я, не задёргивая шторы.
Мне краски затухающего дня
Как с детства сердцу милые узоры.
Покой и мир овладевают мной,
Не думаю я о своих потерях,
И с робко засиявшую звездой
Я тягостным предчувствиям
не верю.

Я лишнего у жизни не прошу.
Любуюсь догорающим закатом
И никаких разгадок не ищу,
И миром я в душе своей богата.
Но потухают краски, меркнет свет,
Сгущаются и наползают тучи.
И вновь от тяжких дум
спасенья нет,
И снова ночь бессонницею мучит.

Северск

Я приехала в город любимый,
Весь закутанный в блесткий иней,
От мороза закуржевелый,
Ослепительный, солнечный, белый.
Я прошла вдоль Томи заснеженной
И по улицам, полным нежности
Милых сердцу воспоминаний,
Вдоль знакомых до комнат зданий,
По просторным сосновым
кварталам
И по парку, где столько гуляла,
Где когда-то тебя повстречала,
Где душа от мечты замирала.
Я совсем потерялась во времени
И, лишившись возраста бремени,
Я с друзьями взахлёб общалась,
В их участье и ласке купалась.
Сколько сказано слов чудесных!
Сколько спето любимых песен!
Об одном лишь я так и не знаю...
Как без этого жизнь прожила я?

Игорь Чаусов

Игорь Леонтьевич Чаусов родился в 1937 году. По профессии – инженер-электрик. Занимался наладкой оборудования на военных и гражданских ядерных объектах в разных регионах Советского Союза – в Уч-Кудуке, на Камчатке, в Сибири, Красноярске-26, Уржуме, Арзамасе-16. Увлекался живописью, графикой, стихосложением. В 2000-м стал победителем турнира поэтов на празднике «Золотая осень» в Алабине. Книга стихотворений Игоря Чаусова «Акварели», вышедшая в 2001 году, проиллюстрирована самим автором.

Трагически погиб в автокатастрофе.

Медовый месяц

Медовый месяц должен пахнуть мёдом,
Простым подворьем, ямочками щёк.
Духмяным, хлебным, обожжённым подом,
И счастьем, вдруг присевшим на порог.

Опутанные негой дни и ночи.
В бочонке сверхромашковый букет.
И вкус греха, пьянящий, непорочный.
И силуэты свадебных карет.

Наивность слов, влекущих к пасторали,
Чванливых отторжений серый хвост.
Непреходящей вечности скрижали,
И в травах над речушкой узкий мост.

Шопен, залитый в душу, в сон хрустальный
От ручейковых трелей чистых вод.
И купол храма, близковый, сусальний.
И Бог послал не високосный год.

***

Глазастое ромашковое братство
рассыпалось по бархатным лугам.
роскошное июльское богатство
готовилось улечься по стогам.

Готовилось. Ну, а пока плескалось,
шуршало, пахло цветом, распаляясь.
Как будто с жёлтым цветом состязалось
и целовалось, неба не стыдясь.

Радуга

Кто-то теплый, щедрою рукой
Семицветье выгнул над рекой.
Над озёрным краем, над лугами,
Над любви крутыми берегами,
Над лобастым шёлковым бугром,
Где дубки чернёным серебром
В белоствольной нежности стоят,
Кудри сушат, млеют и молчат.
Семицветье обновляло маки,
Лилии, ромашки, в поле злаки,
Васильки, озёрные глаза...
Так прощалась летняя гроза.

Листопад

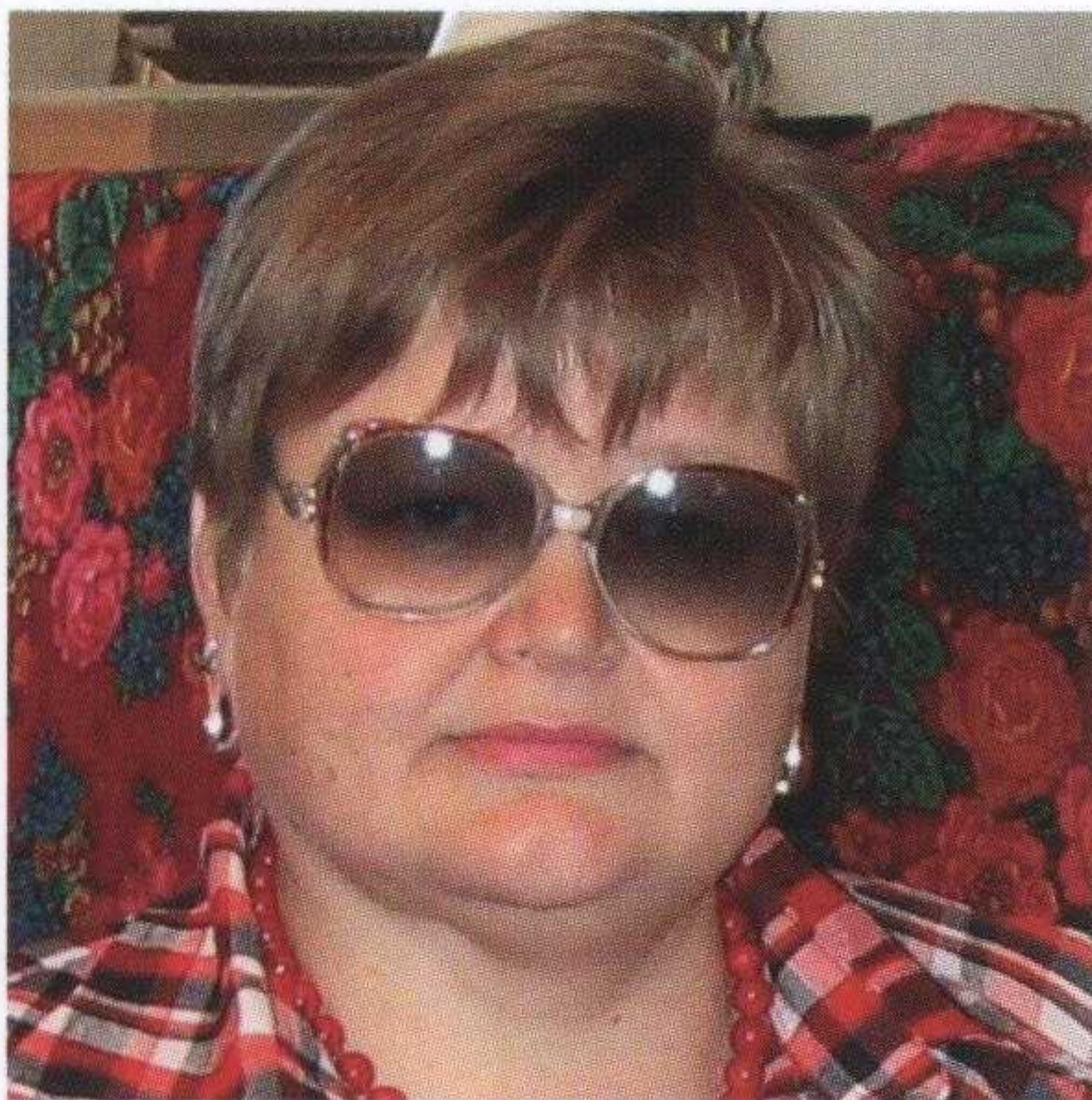
Листопад сорил печалью.
Злато с охрою мешал
И шуршащей толстой шалью
Тропки сердца покрывал.

Приглашал прохладу в гости,
Синь небес изрисовал
И дубы из чёрной кости
Серебром гравировал.

Свечи жёлтые с берёзы
Всё гасил, гасил, гасил.
Шли дождинки, словно слёзы –
Серый дождик моросил.

Все прощались, разлучались.
Роскошь зелени ушла.
Осыпалось, оголялось...
Наполнялась лишь душа.

Светлана Шохина

Светлана Анатольевна Шохина родилась в Алабине в 1964 году. В Селятине проживает с 1969 года. Окончила Селятинскую школу № 1, затем – Московское областное культпросветучилище (с красным дипломом) и Высшую профсоюзную школу культуры в Ленинграде. Художественный руководитель ДК «Мечта». Стихи и сказки начала писать для своих детей. Теперь пишет для внуков. Произведения публиковались в сборниках «Поэты земли Наро-Фоминской» и всероссийской газете «Школьник».

Листья осенью

Осеню листья встречаются
разные:
Жёлтые, рыжие и ярко-красные,
Оранжево-жёлтые, жёлто-зелёные,
Красно-лимонные, даже
бордовые...

Листья встречаются яркие,
блёклые,
А также бывают... сухие и мокрые.

Дождик

Дождик по лужам прошёл,
по песку.
Я видел, как он пробежал по двору.
Попрыгал по веткам, плеснул
на окно,
И тут же закончился, будто в кино.

Велосипед

В коридоре тихом нашем
Что за крики, что за бред,
Годовалой внучке Саше
Принесли велосипед.

Трёхколёсный, голубой
С красно-жёлтой полосой,
Шины толстые, красивый,
Но для Сашеньки – большой.

Все на Саньку посмотрели,
В общем, тут не утерпели,
Сашу дружно подхватили
И на велик усадили.

Ну, а дальше ...
Вот дела –
Саша в руки руль взяла,
Поднатужилась и громко
«Ж-ж-ж» – произнесла.

Не проблема, что педали
Санька не смогла достать.
Ну, а если бы достала –
Саньку б было - не догнать.

ЗОЛОТАЯ КАША

СКАЗКА

Сейчас я расскажу вам про одно Королевство.

Это было самое прекрасное Королевство в мире. На голубом небе там не было ни тучки, и светило ярко жёлтое солнышко. На изумрудных полянках росли алыч и бордовые розы, бирюзовые незабудки, махровые пионы, лимонные тюльпаны и сиреневые ирисы. В садах виднелись зелёные огурчики, красные помидорчики, фиолетовые баклажаны. На деревьях висели пунцовые яблоки и оранжевые мандарины. Среди ветвей порхали разноцветные птицы.

Белоснежные лилии и нежно-розовые лотосы плавали среди салатовых листьев по синей глади озёр. В прудах резвились пёстрые рыбки.

А ночью на лиловом бархатном небе мерцали серебристые звёзды.

В этой стране жил Король с Королевой и дочкой, самой красивой принцессой в мире.

У неё были волосы цвета спелой пшеницы, васильковые глаза, нежно-персиковые щечки, коралловые губки и жемчужные зубки. Одевалась она в разноцветные платья и хрустальные туфельки, а на голове была изящная бриллиантовая корона. Смех её раздавался серебряным колокольчиком.

Все в этом Королевстве одевались в яркие одежды. И каждый год проходил Праздник Красоты, где жители показывали друг другу свои лучшие наряды.

Всё было хорошо, но однажды в стране случилось несчастье.

Как-то проходил очередной Праздник. И вдруг Королю доложили, что среди жителей заметили старуху с мальчиком в СЕРОЙ дорожной одежде. И всем неприятно видеть среди разноцветных костюмов этот «некрасивый» цвет. Только принцесса заступилась за старую женщину. Но Король ничего не хотел слушать и приказал выпроводить старушку с внуком, чтобы они своим внешним видом не портили всем праздничного настроения.

А на следующий день принцессу поразила неизвестная болезнь. Она стала грустной, перестала смеяться и только плакала.

А потом все заметили, что в садах поблёкли и стали вянуть цветы. Птицы перестали петь свои звонкие песни и из разноцветных превратились в пепельных. Наползли свинцовые тучи и закрыли солнце. Кругом потемнело, и всё стало серым. Даже пурпурная мантия Короля потускнела. И в Королевстве поселились чёрная тоска и коричневато-зеленоватая скука.

Никто не знал, что случилось, и как это исправить. А, главное, как вылечить принцессу. Многие лекари из разных стран приезжали, но ничего не смогли сделать.

И тогда обратились к Прекрасной Фее, покровительнице Королевства. Фея появилась в облаке бабочек, помолчала немного и сказала:

– Можно вылечить принцессу и вернуть стране её красоту. Но сделать это может только Король.

– Я? – удивился Король.

– Только Вы, – ответила Фея. – Найдите и накормите принцессу и весь свой народ Золотой кашей. И тогда всё будет как прежде.

– Где же я найду Золотую кашу? – спросил Король. – В какой стране?

– Я знаю где. Но Вы сами должны найти её. Иначе пользы не будет, – ответила Прекрасная Фея и упорхнула.

Посмотрел Король на принцессу. Она сидела бледная и грустная.

– Делать нечего, – вздохнул Король, – надо отправляться в путь.

Много стран обошёл Король. Разных каш попробовал. Ел он и белую рисовую кашу, и коричневую гречневую кашу, и оливковую гороховую кашу, и бледно-желтую кукурузную, и бежевую геркулесовую. Даже бесцветную манную, сваренную на воде. Но нигде не встретилась ему Золотая каша. Совсем отчаялся и устал Король. И надумал вернуться домой.

Он уже подходил к своему Королевству, когда его настигла буря. Решил Король попроситься переночевать в стоящий на дороге домик. Постучался в окошко. Дверь открыла пожилая женщина. И в ней Король узнал... ту старушку, которую приказал прогнать с Праздника. Неловко ему стало, и он повернулся идти дальше, сквозь бурю. И в это время услышал детский голосок:

– Бабушка, когда будет готова моя Золотая каша?

– Золотая каша? – переспросил Король.

– Да, это мой внук Данилка так её называет. Заходите, Ваше Величество, – промолвила старушка. – Скоро ужин поспеет. Да и темно на улице, вон какая буря разыгралась. Обогреетесь и переночуете.

Стыдно стало Королю. Понял он, что это добрые отзывчивые люди. А он их так сильно обидел только за то, что на них была серая некрасивая одежда. Попросил Король прощения у старушки с внуком и рассказал про свою беду.

Всплеснула руками женщина и говорит:

– Видно, доброе сердце у Вашей дочери, что она так переживает от случившегося. Мы, конечно, Вам поможем. Вот Вам каша, пробуйте. Это пшённая каша, да с медком. А вот рецепт, как её готовить.

На следующий день Король отправился домой. Дома он приказал приготовить и накормить Золотой кашей принцессу и подданных. Но прежде, чем кормить свой народ, он рассказал, где взял эту кашу. Всем стало стыдно за своё поведение. Они поняли, что не одежда красит человека.

А потом был пир на всём Королевство, куда Король пригласил и старушку с внуком. И когда все сели за столы и попробовали Золотой каши... небо стало голубым и выглянуло ярко-жёлтое солнышко. Распустились на изумрудных полянках алые розы, бирюзовые незабудки, лимонные тюльпаны и махровые пионы. На деревьях показались пунцовые яблоки и оранжевые мандарины. Запели звонкие песни разноцветные птицы. Белоснежные лилии и нежно-розовые лотосы поплыли среди синей глади озёр. Заплескались в прудах пёстрые рыбки. А ночью на тёмно-лиловом, бархатном небе замерцали серебристые звёзды.

И все снова услышали смех принцессы, зазвеневший серебряным колокольчиком.

И в Королевство вернулась КРАСОТА.

Песня о Селятино

Есть уголок с дубравой вековою
 Среди полей, где вдаль Десна бежит,
 Меж трёх дорог.
 Здесь рядышком с Москвою
 Селятино посёлок наш лежит.

Селятино, Селятино – ты гордость Подмосковья!
 Ты домом стал для каждого, кто верит и творит.
 Живи моё Селятино с надеждой и любовью!
 И славные традиции потомкам сохрани!

По всей стране селятинцы трудились.
 Объектов много Трест наш возводил.
 «Гидромонтаж» гремел по всей России.
 Посёлок всем надёжным тылом был.

Селятино, Селятино – ты гордость Подмосковья!
 Ты домом стал для каждого, кто верит и творит.
 Живи моё Селятино с надеждой и любовью!
 И славные традиции потомкам сохрани!

Пусть смело смотрят в будущее дети
 Семьёю дружной мы вперёд идём.
 В культуре, спорте и на производстве
 Селятино мы славу принесём.

Селятино, Селятино – ты гордость Подмосковья!
 Ты домом стал для каждого, кто верит и творит.
 Живи моё Селятино с надеждой и любовью!
 И славные традиции потомкам сохрани!

Альбина Акритас. Вечер в Тригорском

Альбина Акритас. Подруги

Альбина Акритас. Испанцы

Анатолий Савельев. Уголок Чернецкого пруда

Анатолий Савельев. Селятино, площадка перед универмагом

Анатолий Савельев. Часовня в Селятине

Анатолий Савельев. Селятино, клуб «Мечта» в 80-е годы

Дарья Брыгина

Брыгина Дарья Юрьевна родилась в посёлке Алабино Московской области. Училась в Московском Академическом художественном училище «Памяти 1905г». В 2006 году окончила Московский Государственный академический художественный институт им.В.И.Сурикова. Награждена золотой медалью Российской академии художеств за успехи в учёбе, дипломом Союза художников России, дипломом V Международного фестиваля «Молодая российская культура в Италии». В 2004 году по итогам Всероссийского конкурса молодых художников им.П.И.Третьякова картина «Кавказа гордые главы» выставлялась в Третьяковской галерее. Работы выставлялись в Российском фонде культуры, в посольстве Великобритании. В мае 2005 года картина «Наро-Фоминский рубеж» была представлена в Центральном доме архитектора на выставке, посвящённой 60-летию победы в Великой Отечественной войне, а затем в Нью-Йорке. Произведения художника находятся в частных коллекциях России, Великобритании и Китая.

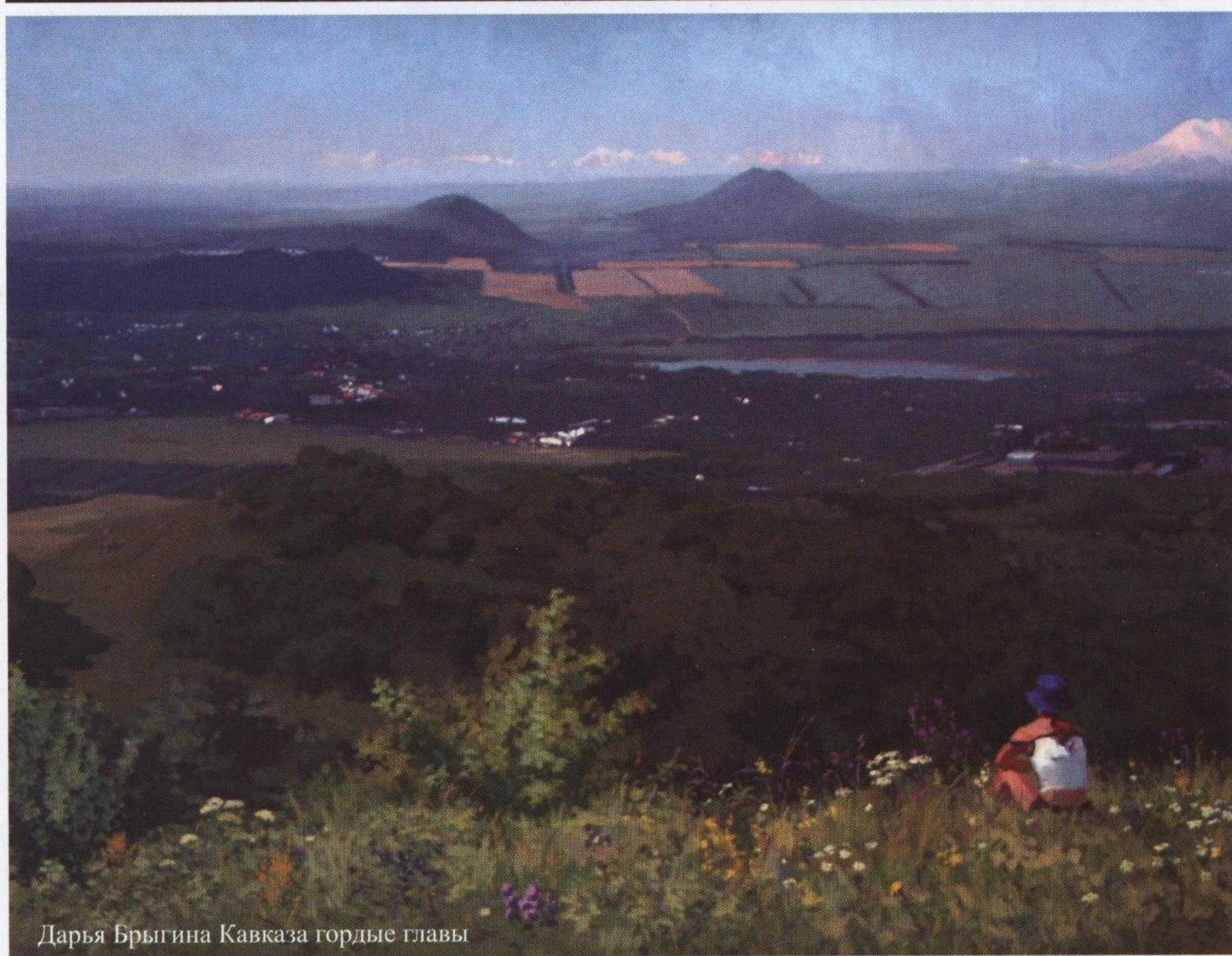
Член Союза Художников России.

Дарья Брыгина. Наро-Фоминский рубеж

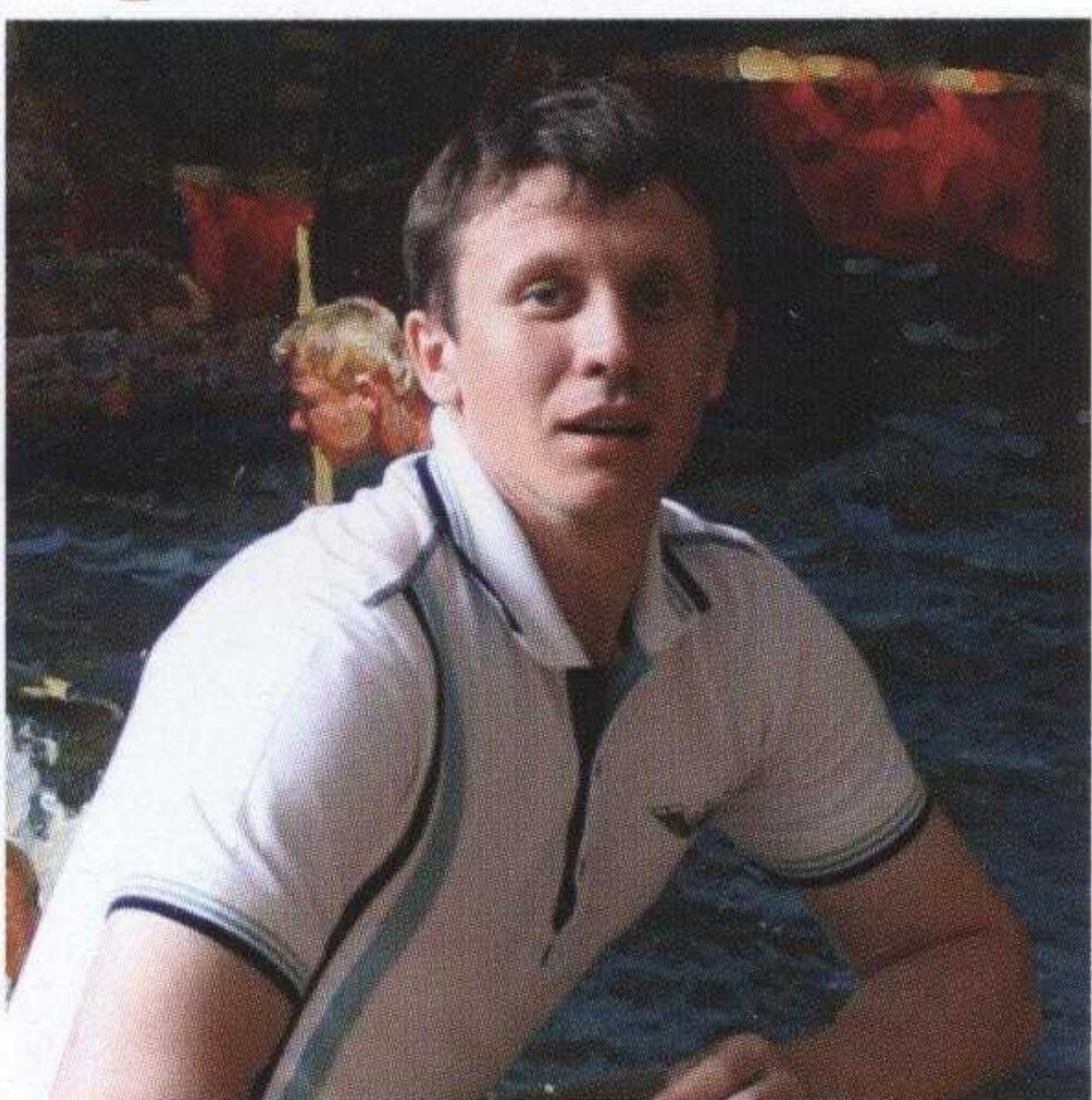

Дарья Брыгина. Вечерняя заря на Ставрополье

Дарья Брыгина Кавказа гордые главы

Сергей Олейников

Олейников Сергей Николаевич родился в станице Ловлинская Краснодарского края. Окончил Московское Государственное академическое художественное училище “Памяти 1905 года”, а в 2008 году – Московский Государственный академический художественный институт имени В.И.Сурикова. Награждён дипломом II Молодёжного фестиваля во Франции. Ещё будучи студентом, Сергей начал активно участвовать в различных художественных выставках. Произведения художника находятся в частных собраниях России, Европы, Мальты, США, Узбекистана, Китая.

Член Союза Художников России.

Преподаватель в МГАХУ «Памяти 1905г.».

Сергей Олейников. Самовар с пирогами

Сергей Олейников. Сузdalь

Сергей Олейников. Тарханы

Содержание:

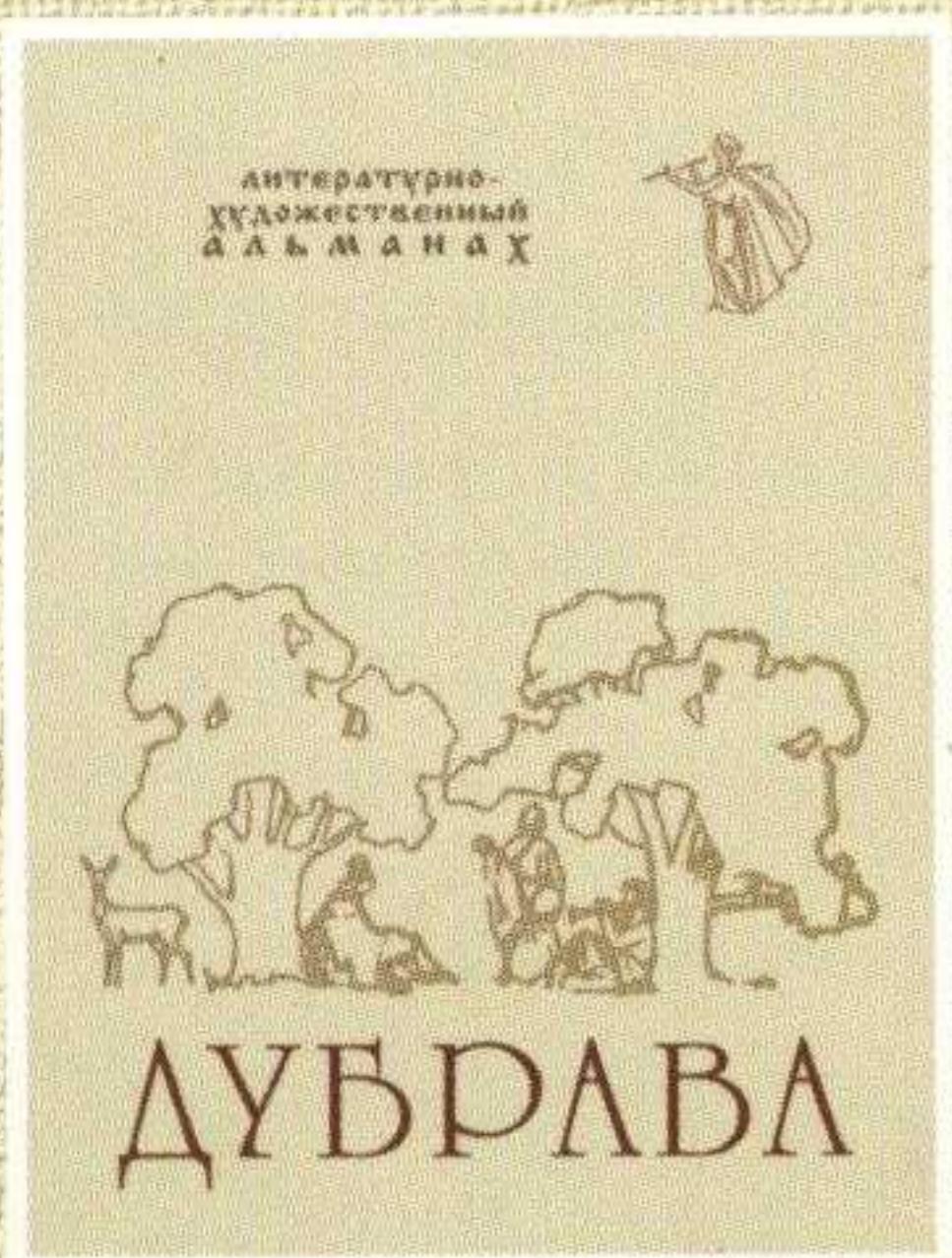
Обращение к читателю	3
ПРОЗА	
<i>Владислав Бахревский.</i> Стриженок. Сказка	6
<i>Эрна Гультяева-Огонькова.</i> Лыжными тропами. Страницы из дневника	22
<i>Владимир Ильин.</i> Великое переселение	24
<i>Прасковья Федулова.</i> Даль синеокая. За медом. Ураган. Рассказы	36
<i>Светлана Шохина.</i> Золотая каша. Сказка	49
ПОЭЗИЯ	
<i>Альбина Акритас.</i> Так странно жизнь моя идет	4
<i>Геннадий Валов.</i> Оригами	19
<i>Варфоломей Гдов.</i> Стихи неизвестного грузинского поэта	21
<i>Антонина Лаирова.</i> Кофейное небо, деревья в снегу	26
<i>Наталья Парамонова.</i> Осень	28
<i>Илья Плохих.</i> Иван-чай	29
<i>Ольга Разумовская.</i> Август	31
<i>Анатолий Савельев.</i> Летние березы	34
<i>Геннадий Соколов.</i> Частица Подмосковья	35
<i>Людмила Цуканова.</i> Апрель	44
<i>Игорь Чausов.</i> Медовый месяц	47
<i>Светлана Шохина.</i> Листья осенью	48
РЕПРОДУКЦИИ	
<i>Альбина Акритас</i>	52
<i>Анатолий Савельев</i>	54
<i>Дарья Брыгина</i>	56
<i>Сергей Олейников</i>	58

Администрация городского поселения Селятино
МАУК «Библиотека городского поселения Селятино»

«ДУБРАВА»
Литературно-художественный альманах.

Редакционная коллегия: Владислав Бахревский, Наталья Безрукова, Илья Плохих, Светлана Шохина,
Корректор Илья Плохих

Изготовлено ИП Казакова В.Л. (Москва)

Инициатором создания сборника являются члены литературного объединения «Стихия» при библиотеке поселения, а Администрация городского поселения Селятино поддержала и помогла воплотить идею – познакомить жителей городского поселения Селятино с творчеством земляков.